...ergo sum (...следовательно существую)

КП
Хао Грэй

SHOUT
SHARE
IT

•

…ergo sum

Автор: КП, Хао Грэй
Бета: бета Алисия, гамма juliete
Рейтинг: PG
Пейринг: СС, НМП и НЖП в количествах
Жанр: General
Отказ: Все права на героев и названия находятся у Дж.К.Роулинг и Warner Bros. Права на маггловский мир принадлежат магловскому миру.
Вызов: Это не любовь
Цикл: Этот мир - наш [5]
Аннотация: Судьба профессора Снейпа со 2 мая 1998 года по 2003 год.
Жанр - производственный роман.
Предупреждения: 1. В пространстве фика происходит развитие характера Северуса Снейпа вплоть до ООС.
2. В фике использованы реалии британского школьного образования. Возможны случайные неточности и специальные натяжки.
3. В фике присутствуют одновременно герои Поттерианы и книги про ГП.
4. Внимание! Слэша нет.
Комментарии:
Каталог: Пост-Хогвартс, Книги 1-7
Предупреждения: нет
Статус: Закончен
Выложен: 2008-10-27 00:00:00 (последнее обновление: 2008.11.12)

- Встань!
- Не стану.
- Встань!
- Не встану.
- Встань!
Встаю.
- Иди.
Олег Ладыженский, Касыда сомнений
текст доступен, например, здесь: http://www.stinger911.net/wiki/Library/Poems/KasydaSomnenijj

Глава 1.

Тихо опадают последние листья. Кружат, подхваченные холодным ветром; шуршат под ногами. Ilex aquifolium, услужливо подсказывает память. Fagus… Quercus… Какая разница? Забыть бы всё это…

Холодно. Шарф потерял, жаль; рука привычно тянется к горлу, поправить воротник; мужчина так же привычно отдёргивает её, суёт в карман. Перчатку тоже потерял, ладони приходится прятать в пальто, холод вреден пальцам зельевара. Мерлин, да какая теперь-то разница?!

Пожухлые листья на плохо подметённых дорожках. Парк зарос, кусты давно не подстригали, и уже трудно угадать форму, которую они должны были иметь. Если бы у Люца в саду допустили такой беспорядок, он бы лично перевешал всех эльфов. Какая разница, что бы сделал Люц? Он в прошлом, и пусть там остаётся. Прошлое умерло. Вместо гуляющего человека.

Холодно. Пора, наверное, возвращаться. Где-то внутри нарастает глухое раздражение. Там будут люди, они всегда есть. Чужие, ненужные… Надо.

Он выходит из парка. Идёт по улице, заставляя себя не втягивать голову в плечи. Слишком шумно. Много людей, они все спешат куда-то и разговаривают, разговаривают непрерывно. Даже если человек идёт совсем один, всё равно непременно бубнит что-то в свой маленький переносной телефон. Сцепив зубы, мужчина в чёрном заходит в магазин. Медленно идёт вдоль длинных полок, на которых стоит то, что ему не нужно. Солёные грибы, соевый соус, макароны… Кто-то не может прожить без этого и дня, странно. Запах мускатного ореха заглушается кардамоном. Какой дурак поставил рядом с ними гвоздику? Подумать только, все пряности на одной полке. Они же пахнут друг другом, а потом эти тупицы удивляются, почему жаркое отдаёт эстрагоном…

Какая разница? Глупости всё это. Взять то, что надо, и уйти отсюда поскорее. Девочка на кассе рассеянно улыбается, украдкой отщипывает кусочек от булки с корицей и быстро жуёт.

На улицу.

Благообразного вида старушка крошит хлеб и кидает голубям. Дамочка, похожая на Молли Уизли, хлопотливо переводит через дорогу шумную ораву отпрысков. К соплохвостам Молли.

Холодно. Хорошо, что он всегда любил носить одежду с высоким воротником. Домой, скорей домой. Он идёт, как ему кажется, быстро, но на самом деле еле плетётся: его обгоняют даже мамочки с маленькими детьми. Наконец, сворачивает в

тупик. И в изумлении останавливается перед собственным домом, будто впервые увидел его. В душе возникает странный вопрос: почему я здесь? Что я здесь делаю?

Тихо опадают последние листья. Сыро. Дует холодный ветер.

Его первое яркое воспоминание с той ночи.

Он помнил, как жил потом. Вставал ночью, чтобы проветрить комнату – всё время было душно. Фантомная асфиксия; на самом деле воздух свеж, а на занавеску он наложил заклинание: как только в комнате становилось слишком холодно, на потрёпанной грязно-белой ткани вспыхивали большие синие буквы: «Закрой окно, идиот!». Когда он смотрел на них, почему-то становилось смешно. Смысл слов доходил до него позже, тогда он вставал, закрывал окно, задёргивал шторы. Сразу становилось трудно дышать, он убеждал себя, что это психическое, последствия травмы, нет, не надо хвататься за горло, с ним всё в порядке, на самом деле ничего не мешает воздуху попадать в его лёгкие.

Он просыпался по утрам – потому что так было надо. Мылся, чистил зубы, завтракал, пил зелье, процеживал следующую порцию. Потом отправлялся гулять в парк – неважно, дождь ли, снег. Одежда была ненавистна: воротник раздражал шею, снова начиналось ложное удушье; он судорожно втягивал воздух ртом, ловя губами снежинки, заставлял себя дышать глубоко и ровно и не хвататься, не хвататься, не хвататься за горло. Брёл по улицам, месил зимнюю грязь, хотя больше всего хотелось остаться дома, сорвать с себя всё, дышать полной грудью. Ему нужен свежий воздух, и он должен двигаться. Приходилось ежедневно повторять себе это. Зачем нужен, кому должен – не имело значения. Когда ингредиенты для зелий заканчивались, он шёл в аптеку. Когда заканчивалась еда, заходил в супермаркет. И там, и там было слишком мало необходимых вещей и безобразно много ненужных. Если бы в маггловских аптеках продавали хоть что-то приличное, а не химию, спрессованную автоматом в таблетки, он бы давно выздоровел. Может, даже шрамов бы не осталось. А так приходилось перебиваться обычными травами, собранными и высушенными без соблюдения элементарных правил. Впрочем, какая разница? Он мастер зелий, справится.

В Тупике Прядильщиков было тихо и пустынно, после людных магазинов это успокаивало. Раз в месяц он забирал почту, выбрасывал яркую рекламу и оплачивал счета. Со временем денег становилось всё меньше, но его это не беспокоило.

Когда пришла весна и снег растаял, обнажив местами провалившийся асфальт с подгнившим за зиму мусором, пришлось купить пару рубашек с глухим воротником. Зельевар

выбирал их, сцепив зубы, заставив себя не вспоминать жуткое ощущение прикосновения ткани к шее. Он вернулся из магазина злой, нагруженный пакетами – заодно обновил запасы белья – и впервые за этот год ему чего-то захотелось. Чего, определить не смог, и потому привычно потянулся к полке с чаем. Подумал. Выбрал травяной, с мелиссой и чабрецом. Какая разница? Заварил.

С тех пор по утрам и вечерам он снова пил чай. Его запасы тоже заканчивались, только быстрее, чем деньги. Было жалко, но делать что-то не хотелось.

А потом пришёл этот человек.

Он так давно не принимал гостей, и оттого не сразу понял, что громкий звук, отвлекший его от зелья, – звонок в дверь. Когда до него наконец дошло, сначала хотел не открывать. Он никого не приглашал; он занят, в конце концов! Но неведомый визитёр был нагл сверх всякой меры и продолжал трезвонить, пока зельевар не сдался.

Перед ним стоял невысокий, почти круглый человечек с пышными усами. По румяному лицу тёк пот – июнь выдался жарким. В руках человечек мял забавного вида кепку. Кажется, ему было неловко. Однако гневный взгляд хозяина ничуть его не напугал.

- Простите, что явился без приглашения, – сказал он. Голос у человечка был высокий, но не писклявый – нормальный тенор. – Мистер Снейп, я полагаю? Я Кевин Макномара, директор местной школы. Можно мне зайти? Я хотел бы поговорить с вами… Это не отвлечёт вас надолго, поверьте.

Он не поверил и, как показало время, правильно сделал. Впрочем, людей такого сорта он знал; если выслушать их, они уйдут раньше. Если прогнать, могут не уйти вовсе.

Северус Снейп посторонился, давая гостю пройти.

- Учтите, – сказал он, закрывая дверь, – я действительно занят, и вам придётся или быть лаконичным, или ходить за мной по всему дому, излагая ваше дело.

Он давно так много не говорил. Обычно ограничивался короткими репликами в аптеке, в супермаркете иногда удавалось и вовсе смолчать. Голос всё ещё хриплый, но уже восстановился почти полностью. Пара недель, и будет как новенький. А хотя – какая разница?

- Хорошо, – человечек радостно закивал, – конечно-конечно, у меня и в мыслях не было вам мешать! Собственно, дело, с которым я пришёл, такое… щекотливое…

Северус указал гостю на кресло, сам сел напротив. Чаю не

предложил – только не хватало. Пусть говорит, что хотел, и уходит.

Не надо было вообще его пускать.

А, какая разница…

- Я уже сказал вам, что я директор местной школы. Видите ли, у нас самая обычная государственная школа*, не самые высокие зарплаты, не самые послушные дети… Одним словом, нам очень нужны преподаватели.

- Я не заинтересован… – резко начал Северус – и осёкся. Слизеринская прагматичность заткнула ему рот и напомнила о том, что денежки-то заканчиваются. Да, ты не заинтересован, вкрадчиво шептал внутренний голос, счастливый тем, что его наконец услышали, но тебе так или иначе придётся зарабатывать. Вне зависимости от степени испытываемого интереса. Или ты для того харкал тут кровью и ползком добирался до аптечки, чтобы сдохнуть от голода? Из нищеты ты вышел, в неё и вернёшься?

А Макномара уже лепетал что-то в оправдание.

- …конечно, элитный колледж, высокие зарплаты, я слыхал, – будь неладны эти старушенции, их никогда не видно, но они всегда всё обо всех знают, и ладно бы знали молча, так ведь сплетничают, – но мистер Снейп, помилуйте, вы же сейчас ничем не заняты. Вот уже год вы сидите здесь, совсем один, и вряд ли, уж простите мне мою бестактность, получаете за это жалование. Возможно, вы…

- Я могу обещать только одно: я подумаю, – гость неожиданно стал сильно утомлять Северуса. Сейчас он готов был согласиться на что угодно, лишь бы усатый директор ушёл.

- Хорошо, мистер Снейп, конечно же. Я зайду… ну, скажем, через месяц? Числа десятого? Тогда поговорим более предметно, я же понимаю, сейчас вы заняты…

Он говорил всю дорогу до двери. И только выпроводив его, Северус понял, что, кажется, всё-таки напугал смешного круглого человечка. Задавил авторитетом. Что там наговорили ему соседи – тот страшный стоголовый дракон, которого так боялась Петуния Эванс? Что он профессор всего на свете, лауреат трёх Нобелевских премий и одной Игнобелевской, почётный преподаватель в Британском университете? Забавно… Да что тут забавного, вдруг рассердился Северус. Припёрся дурак-маггл, оторвал его от дел, предложил идти работать спасибо хоть не дворником и ещё имеет наглость надеяться, что он согласится! Внутренний слизеринец хмыкнул и ехидно заметил: ну да, конечно, маггл виноват. Явился, понимаешь, негодяй такой, и в наглости своей рискнул хамским видом низвергнуть тебя от Высокой Вселенской Скорби к низменному весёлому настроению,

фу! Да как посмел он отвлечь тебя, ты же был так занят, жалея себя, несчастного, а этот мерзавец чуть не вызвал на твоих искривлённых печалью губах улыбку! Тебе не кажется, что ты ему спасибо должен сказать? Подумай лучше о том, чего он от тебя хотел. Ну Северус! На что ты жить собираешься? Ах, отстань, Северус, привычно отмахнулся он. Как ты себе это представляешь? Чему я буду их учить, я же ничего из маггловской науки не знаю! И вообще, ты посмотри на меня… Да, кстати, ты посмотри на себя, Северус.

Он посмотрел.

С зеркалом зельевар не дружил. Оно вечно показывало какую-то ерунду. Или, что ещё хуже, – чистую правду. Это было обидно. Но он посмотрел.

Волосы отросли. Сильно. Осунулся, глаза запали. Похудел, что ли? Да нет вроде, куда ещё… Бледный, как привидение, хотя гуляет не в пример больше прежнего. С гемоглобином всё-таки серьёзные проблемы.

Ему тридцать восемь лет. Что за старик смотрит на него из зеркала?

Кто-то внутри – слизеринец, наверное, этому типу никогда не были безразличны такие вещи – громко возмущается: Северус, да сделай же что-нибудь! Сколько можно? Равенкловец вздыхает и говорит: может, попробуешь? Интересный эксперимент, столько всего узнаешь… Ну вот, здравствуй, знакомая шизофрения. Сколько вас там, негодяи? Трое, кажется? Хаффлпаффец робко попросил почитать, бессовестно добавив: маггловский учебник сойдёт. Сговорились, сволочи? За собственным негодованием Северус чуть не пропустил четвёртый голос, которого раньше не замечал; голос тихо шепнул: ты что, трусишь?

Приехали. Зельевар хлопнулся на диван, жалобно запели пружины. Дожился. У него в голове сидят четыре идиота, по одному с каждого факультета этой грёбаной школы, которая никогда не оставит его в покое, и учат жить! В Мунго, срочно в Мунго, там заждались. Мы не четыре идиота, обиженно сказал равенкловец, мы грани твоей личности, и ты это прекрасно знаешь. Ты же с детства к нам привык! Не ко всем, мерзавцы! Только ещё гриффиндорца в собственной голове мне и не хватало! Ну, извини, сказал тихий. Я тут всегда был, просто ты на меня внимания не обращал. А обращал бы, может, всё было бы иначе…

Хватит, решительно заявил слизеринец, выходя на первый план. Ты ещё казниться начни сейчас! Не слушай их, они ничего не понимают. Никого не слушай. Ты лучше нас всех знаешь, что тебе нужно. Потому что мы – грани твоей личности, а ты – вся

личность. Только не простая, как сапог, а противоречивая.

Так что тебе нужно, всё так же тихо спросил четвёртый.

- Что тебе нужно, Северус? – спросил он у отражения.

Постоял ещё немного – и ответил.

Ответ привёл его в состояние деятельной активности. Для начала зельевар перетряхнул весь свой гардероб. М-да, привычка – вторая натура. Все нормальные люди, между прочим, ходят в джинсах и футболках. Ты вообще знаешь, что это такое, мрачный консервативный тип?

Нет, он ещё не был уверен, примет ли предложение круглощёкого директора. Не зная, Северус Снейп оделся, наглухо застегнул рубашку и отправился к парикмахеру. Так ничего и не решив, сказал мастеру, приятного вида молоденькому пареньку:

- Так коротко, как только можно. И без экспериментов, мне в школе работать.

Вернувшись домой и пересчитывая свои активы, он всё ещё не думал о том, правду ли сказал симпатичному брадобрею. Да это и не имело значения. Важным было только то, что он ответил себе, глядя в зеркало. То, чего он хотел.

Жить.

Десятого июля девяносто девятого года Северус Снейп ждал визита, хотя и не рассчитывал, что разговор оправдает его надежды. Дом блистал чистотой, на чердаке сушились травы, в духовке подрумянивался пирог, а на столе заваривался чай. Чёрный, с вербеной и цитрусовым маслом. Книжные полки в гостиной украсились новыми томами, уже порядком зачитанными. Северус смотрел на себя в зеркало и думал, что единственное, чего он не переживёт, – это галстук. Белоснежная шёлковая рубашка и чёрные лёгкие брюки, возможно, были слишком официальны для домашней одежды, но менять слишком много привычек в тридцать восемь лет он считал излишним.

Наверное, поэтому палочка привычно спряталась в рукаве, хотя Снейп и не планировал использовать её при маггле. Просто так было спокойнее.

Директор явился к пяти часам, обычное время для визитов в городках вроде Литл-Бери. Ну что ж, к чаю так к чаю. Я тебя, предсказуемый ты наш, к чаю и ждал.

- Здравствуйте, мистер Макномара, – быка, решил Северус, надо брать за рога. – Я подумал над вашим предложением и пришёл к выводу, что вряд ли подойду вам. Попрошу вас меня не перебивать, – он предостерегающе поднял руку, видя, что человечек уже готов многословно возражать, – дослушайте.

Зельевар указал гостю на кресло и продолжал говорить,

разливая чай. Голос уже восстановился, было даже приятно вслушиваться в знакомые обертона.

- У вас не могло быть достоверных источников информации обо мне, поэтому позвольте объяснить вам, кто я таков. Вам о чём-нибудь говорят слова «квота Дайранвилля»?

Вот уж никогда не думал, что придётся использовать эту легенду. Её любезно придумал отец одного магглорожденного, прошлый директор Дайранвилля. Эта закрытая школа славилась тем, что кроме туго набитых деньгами отпрысков удачливых семейств принимала и бедных, но талантливых детей, обучая их бесплатно. В магическом же мире Дайранвилль знали по другой причине. Волшебники, которым было необходимо легализоваться в маггловском мире, могли рассчитывать на диплом этой престижной школы – разумеется, при наличии необходимых знаний. Северус получил бы его без проблем, но пришлось бы признаться, что он выжил, а такой расклад его не устраивал. Категорически.

- Вижу, вам известно, что это такое. Отучившись в Дайранвилле, я остался преподавать в одном из подшефных ему колледжей. Возможно, вы знакомы с понятием «Дайранвилльской схемы», при которой для того, чтобы устроиться на работу таким образом, не надо ничего, кроме рекомендации сэра Брэдли, директора заведения. В этом колледже я проработал много лет. А потом со скандалом ушёл, очень громко хлопнув дверью. Наверное, там после меня ремонт делали. Единственный документ, на основании которого я преподавал – мой диплом – остался в колледже, и я за ним не вернусь, даже если вы посулите мне золотые горы. Вытребовать его невозможно, Дайранвилль не подчиняется Министерству образования. Он входит в список учебных заведений, находящихся под прямым протекторатом Короны. Следовательно, вы не можете взять меня на работу, мистер Макномара. Мне очень жаль.

Северус отхлебнул чаю. Хорошо получился. Ну, что ж, маленький круглый человечек, твой ход. Насколько плохи у тебя дела? Зельевар навёл справки об этой школе, вакансий там было больше, чем преподавателей.

- Мистер Снейп, – неторопливо начал директор, ставя чашку на блюдце, – вы предельно ясно обрисовали ситуацию, спасибо. Теперь позвольте мне ответить вам взаимностью.

Однако, куда подевался забавный суетливый толстячок? Северус с интересом посмотрел на Макномару, устроился в кресле поудобней, закинул ногу за ногу.

- В нашем городе три школы**. Негусто, как видите. Городок умирает, открывать новые смысла нет, да и преподавателей не

найти. Но детей всё ещё много. Классы переполнены, а в школе, расположенной в нашем районе, сами понимаете, учится не цвет здешнего общества. Преподаватели попросту не выдерживают и разбегаются. Мистер Снейп, в этом году вакансий так много, что если я не заполню хотя бы часть, школу не разрешат открыть. Первого сентября мы все станем безработными, а дети окажутся на улице. В этих условиях я готов нанять кого угодно, а вы – подарок судьбы. У вас есть самое главное – опыт. Я понимаю, что опыт работы с милыми домашними детками мало поможет в моей школе, но всё же он у вас есть. Думаю, некоторые условности мне удастся обойти. Но одна остаётся… Мистер Снейп, мне нужна от вас хоть какая-то бумажка. Обычно, когда учёная братия решает подработать в школе, она обзаводится документом о прохождении курсов педагогического мастерства. Это необходимо, без педобразования к преподаванию не допускают, разве что пару лекций прочитать. Мне кажется, вам с вашим опытом будет несложно получить подобную писульку. В Манчестере есть такие курсы, и, насколько мне известно, там имеется экстернат. Несколько моих учителей его заканчивали. Успеете до двадцатого августа?

Северус озадаченно посмотрел на директора.

- Понятия не имею, – искренне ответил он. – Попробовать могу.

- Отлично, – Макномара снова засуетился, схватил сумку, порылся в ней, вытащил блокнот, стал его лихорадочно листать, – вот, давайте я вам запишу адрес…

Зачем мне это надо, интересно, подумал зельевар. А затем и надо, ответил себе сам, не дожидаясь, пока проснётся многоголовый внутренний голос. Интересно потому что. Подумать только.

Через неделю Северус уже жалел, что ввязался во всё это. Но было поздно.

Впоследствии он бессчётное количество раз хвалил себя за то, что всегда прислушивался к голосу интуиции (и никогда не путал его с голосами тех четверых придурков). В своё время Снейп озаботился получением паспорта, прежде всего ради того, чтобы обеспечить себе право владения домом. Уже тогда изрядный параноик, к тому же с детства привыкший давать в зубы тем многим, кому не нравилось имя «Северус», юноша записался Стивеном. Чем меньше выделяешься среди магглов, тем лучше, думал он. И не прогадал.

Приехав в Манчестер и с удивлением выяснив, сколько всего надо прочесть, чтобы получить одну-единственную бумажку, Северус отправился в большой книжный магазин. И остолбенел,

увидев огромный плакат с яркой надписью: «Гарри Поттер и узник Азкабана. В продаже с 8 июля!»

Надо было готовиться к экзаменам. Огромная кипа учебников, содержавших совершенно неведомые ему знания, пугала. Но Северус, словно безответственный гриффиндорец, вот уже несколько часов читал другие книги, написанные женщиной с незнакомым именем. Будь у зельевара менее устойчивая психика, он бы поседел в эту ночь.

История вызвала у него бурю возмущения – и бездну любопытства. Вот, значит, как всё это выглядело с точки зрения Поттера. Надо же, сколь однобоко. Балл с него, видите ли, сняли за то, что он не ответил про аконит и безоар. На первом же уроке, ах, какой злой дядя! А почему здесь не написано, что ещё один балл Гриффиндор потерял на втором уроке, когда Поттер снова не знал ответов на эти вопросы?! После того, как он, Снейп, их надиктовал? И сколько пришлось заплатить за шкуру бумсленга, стоимость которой ему не возместили, потому что «надо лучше следить за ингредиентами», автор тоже стыдливо умолчал. А про историю с Блэком и говорить нечего… Снейп раздражённо переворачивал страницы, и ему отчего-то чудился ласковый звон колокольчиков, вплетённых в бороду, и слова, приписанные некоей Джоан Роулинг, негромко произносил ему прямо в ухо вкрадчивый старческий голос, а в комнате пахло лимонными дольками.

Нет, какой же он всё-таки молодец! Имя поменял, причём вовремя. Сейчас даже всезнающие старушенции не вспомнят, звали его в детстве Стив или Сев. Название колледжа, в котором работал, не упомянул. А ведь мог бы ляпнуть «Хогвартс». И дисциплину себе выбрал правильно. Долго колебался между химией и биологией, книжки читал. Выбрал ту, в которой меньше учить придётся. Как устроены его ингредиенты, Северус знал неплохо. А то хорош был бы: С.Снейп, 1960 года рождения, преподаватель химии. Ученики животики надорвут. Надорвали бы, поправил педант-хаффлпаффец. Ничего, беспечно отозвался гриффиндорец, и так достаточно совпадений, чтобы стать местным развлечением. Но год рождения надо бы подправить, нудел хаффлпаффец (а слизеринец поддакивал), раз уж в этой книжонке указано, что у Поттера-младшего с профессором Снейпом двадцать лет разницы. Ещё четыре тома впереди, могут и прямо дату написать. Паранойя неизлечима, парни. Да ладно, бережёного Бог бережёт. В конце концов, ты волшебник или не волшебник? Многоступенчатые заклятья тебе в новинку? А ну, раз-два, во всех документах 1960 меняем на… Ну, допустим, на

1956. И нечего хихикать, да. С потолка взял год. Ясно? С по-тол-ка***. А днём рождения хоть бы и десятое марта поставь – на всякий случай. Посмеёмся вместе****.

Северус зевнул. Ого! Почти полдень. Вот это зачитался. Всё, достаточно. Пора спать.

Во сне он видел Поттера. И почему-то немного – Грейнджер.

Потом Северусу приснился Драко, и он проснулся. Сердце колотилось, будто хотело выскочить из груди. Перед глазами стоял белобрысый пострелёнок, хохотал, запрокинув голову, на руках у крёстного. И на левом предплечье шестилетнего ребёнка, крепко вцепившегося в чёрную мантию зельевара, змеилась Тёмная метка.

Мальчик мой. Как ты там? Здоров ли?

Жив ли?

Снейп поднялся с постели, метнулся к столу. Руки дрожали, как у дряхлого старца. Совсем рехнулся, до сих пор не посмотрел. Только о себе и думаешь, эгоист несчастный… Старые бумаги, какие-то очень важные, раз он их всё ещё не выкинул, летели на пол. Туда же отправились хогвартский диплом, снимок молодой мамы, колдофото мальчишек-первокурсников из пятой спальни… Вот она. Забавная змейка, вырезанная из кости неумелыми, но старательными руками подростка: недостаток мастерства с лихвой окупается упорством в достижении цели. Вьётся длинный хвостик, а на нём – маленькие, едва различимые серебристые чёрточки: годы. Тыкая трясущимся пальцем, Северус пересчитал. Девятнадцать. Кроха моя, я в твоём возрасте жизни совсем не знал… Поблёскивают зелёным глаза змейки. Живой. Не в Азкабане. Слава Мерлину. Господи, не оставь его… Не оставь их.

Зельевар сел на постель, продолжая сжимать фигурку в руке. Старею? Сентиментальность одолевает? Он хмыкнул. Ерунда. Всегда такой был. С этими белобрысыми – всегда.

Довольно. Ты выяснил всё, что хотел. Теперь на повестке дня – общая психология и теория педагогики. Сколько сегодня осилишь, всё твоё. Интересно, придумали магглы что-нибудь интересное в этой области?

Магглы не подвели. Драко вместе со всей своей семейкой вылетел из головы Снейпа очень быстро, вытесненный мышлением, сознанием и восприятием. В конце концов, когда психические состояния в голове зельевара прочно перепутались с психическими свойствами, он захлопнул книгу и пошёл готовить обед. Живо вспомнилось, как на первом курсе сидел в библиотеке, обложившись книгами, и не мог избавиться от дурацкого ощущения, что экзамены ему не сдать. Северус хмыкнул. Да не родился ещё такой экзамен, который он

провалит! Подумаешь, психические состояния…

Омлет с беконом весело шипел на сковородке, азы общей психологии неспешно укладывались в голове зельевара, на стене, магическим образом очищенной от застарелой копоти, тикали ходики. Жизнь шла полным ходом.

Пообедав и снова принявшись за учебник, Северус приуныл. Простые на вид определения индивида, индивидуума и индивидуальности моментально перемешались в его сознании, и он не мог их разделить, как ни старался. Разные теории личности попросту отказались усваиваться его распухшей головой. И даже интуитивно понятная пирамида Маслоу воспринималась чем-то посложнее трёхступенчатого заклятия.

Наверное, правду пишут эти маггловские психологи: восприятие гранично. Начитавшись биологии и проглотив три тома Роулинг, Северус просто не мог впихнуть в себя что-то ещё.

Ну и ладно. На всякую маггловскую проблему мы найдём магическое решение. Снейп отшвырнул книгу и метнулся в кухню, варить зелье. Корня драконьей лапы здесь не достать, заменим вербеной. Чуть-чуть лапок докси ещё есть. Придётся справляться без глаз гарпии. Ладно, досыпем вместо них простого кофеинчику, где-то тут банка «Нескафе» стояла… Уравновесить липой. Шиповника горсть. Мерлиновы подтяжки, как же не хватает родной кладовки! Годами ингредиенты собирал… Три раза по часовой, четыре раза против. Вместо жира дикого яка можно было бы кинуть пару кусков обычного сливочного масла, но его тут из таких странных вещей производят… Обойдёмся. Три капли белладонны… И тут же ещё шиповника. Видел бы его сейчас кто-нибудь! Практически из ничего варит зелье ясного ума… Талантище!

Теперь пусть настаивается. Накрыв кастрюльку полотенцем (ах, как не хватает родного котла!), Северус занялся подсчётами. Разделив количество учебников, подлежащих изучению, на количество имеющихся у него дней, получил двое суток на том. Приемлемо. В Малфой-мэноре, помнится, усваивал и быстрее, когда до конца каникул оставалось всего ничего. Надо будет в аптеку зайти, если придётся варить зелье часто. В конце концов, тридцать восемь – не двенадцать.

Снейп убрал со лба волосы. Непривычно короткие пряди мешали, лезли в глаза. Он уже поразвлекался со своей шевелюрой и выяснил, что её можно заставить даже лежать красивыми волнами. Не последнюю роль в этом сыграл симпатичный парикмахер, давший Северусу совет, который зельевар давно считал бесполезным: сменить шампунь. Странное дело, но помогло. Проведя подробное исследование, Снейп с изумлением

вынужден был констатировать, что маггловские штучки тоже могут пригодиться порядочному волшебнику, а у него попросту аллергия на маг-составляющие шампуней. Смеялся до слёз. В детстве он чаще мылся в реке, чем в ванне, потому что воду постоянно отключали за неуплату, но с одиннадцати лет уделял собственному туалету ненамного меньше времени, чем Малфой. И всё равно выглядел, будто месяц голову не мыл. А всего-то и надо было шампунь в маггловском магазине купить и в Хогвартс привезти, а не наоборот – тащить сюда магические средства.

Наконец зелье настоялось, и Снейп снова погрузился в хитросплетения видов темперамента и особенностей восприятия, недоумевая, зачем вся эта дребедень преподавателю государственной средней школы.

Режим подготовки к экзаменам – жестокая штука. Северус уже и забыл, когда включал его в последний раз. Распорядок дня растаял в туманной дали, как и собственно деление времени на дни; обрывать листочки с календаря Снейп забывал, сутки мерил прочитанными книгами. Чтобы не ошибиться, время от времени выходил в магазин за продуктами и смотрел, какое число выбито на чеке.

Знания роились в голове, Северус им не мешал. Типология памяти обсуждала что-то с трудовым воспитанием, классно-урочная система и метод проектов мерялись достоинствами, Вальдорфская школа чуть не подралась со школой Монтессори… Снейп дал волю родной шизофрении. Он знал: со временем вся упиханная в голову наука добровольно систематизируется и усвоится. А пока пусть колобродит. Читаем дальше.

Дидактика, теория воспитания, психология общая, возрастная, социальная и специальная, отдельно – психология практическая, история педагогики, педагогическое мастерство, основы методики преподавания естественно-научных дисциплин, теория и практика использования вспомогательных средств обучения, а также спецкурсы по особенностям преподавания в тех или иных группах сначала невероятно утомляли. Способность магглов заумно писать об элементарных вещах была поразительна.

Однако вскоре Северус стал задумываться. Особенно часто эта неприятность случалась с ним во время походов в магазин: от нечего делать он прислушивался к бурлящей в голове информации.

Теория воспитания живо напомнила о Драко. В своё время Снейп ломал голову, как сгладить последствия родительского обожания, убийственно воздействовавшие на его крестника.

Теперь он абсолютно точно знал, что надо было делать. Утаскивать юного Малфоя к себе, усыпив бдительность любящего папаши, и давать ему свободу в том, от чего так старался оградить ребёнка Люциус. Конечно, Драко набил бы много шишек и не раз получил по шее, но пожаловаться отцу? – да ни за что! Зато розовые очки свалились бы с глаз, безжалостно поломанные загорелым кулаком местного задиры. Зато крёстный стал бы божеством, дарящим мечту – ведь мальчишке безумно хотелось почувствовать себя взрослым и самостоятельным! – и за эти подарки белобрысый стервец делал бы что угодно. Зато, наконец, научился бы общаться с людьми и не прокололся так обидно, встретившись впервые с Поттером…

Социальная психология, спевшись с дидактикой и педмастерством, на пальцах объясняла, как надо работать с лонгботтомами. Умные слова «заниженная самооценка», «подавленная инициативность» и «комплекс неполноценности» обретали знакомые черты полного заикающегося мальчика, боггарта которого Северус видел в зеркале. Оказывается, магглы и это лечат: чуть больше внимания, не снисходительного, а участливого, пара дополнительных занятий, нарочитый отход от образа строгой бабушки – общих с миссис Лонгботтом черт Снейп обнаружил у себя штук пять, отчего приуныл – и через некоторое время Невилл варит зелья не хуже Грейнджер.

Возрастная психология коварно подсунула Северусу образ Поттера, невнятно лепечущего что-то над его омутом памяти. Снейп зашипел, как раскалённая сковородка, и отказался думать о Золотом Мальчике.

Было чертовски обидно. Почему в магическом мире нет педагогического образования? Почему его не заставили прочесть всё это, прежде чем пускать в Хогвартс? Как случилось, что такая уйма книг прошла мимо него?

Теория педагогики. Возрастная психология. Две чашки кофе. Педмастерство. В супермаркет. Ещё педагогики. Поспать шесть часов. Закончить с толстой зелёной теорией. Яичница с беконом и зелье. Практическая психология. Методика преподавания зоологии. Две чашки кофе…

Драко больше не снился. Снились Ян-Амос Коменский и Песталоцци, они спорили об образовании и дружно посылали Жан-Жака Руссо.

Разумеется, экзамен он сдал. Кто бы мог сомневаться? Это было просто; получить сертификат оказалось сложнее, потому что пришлось ждать три дня и сидеть в унылой очереди. Зато отоспался, и к Макномаре явился уже бодрый и готовый к

бессмысленному труду. Но директор и тут сумел его удивить, весело заявив, что поурочные планы, конечно, нужны, но если бы к преподавателям государственных школ придирались по всем правилам, то обучать детей пришлось бы самим строгим проверяющим. Необходимость ехать в Манчестер на общее собрание биологов Северуса не обрадовала, но в любом случае это было лучше, чем в спешном порядке писать конспекты уроков по новой для него дисциплине.

Потом Снейп увидел своё расписание.

Сначала он подумал, что директор рехнулся. Потом – что ему не впервой работать с чокнутыми директорами. Наконец, в голову пришла правильная мысль, и Северус поинтересовался, сколько всё это безобразие стоит. Макномара расплылся в улыбке и радостно пообещал два оклада преподавателя и ещё один – лаборанта. Северус поперхнулся.

- Насколько я понимаю, – по мере того, как он брал себя в руки, голос становился всё более язвительным, – перемены в школе значительно меньше часа. Когда, по-вашему, я должен готовиться к следующему уроку, если мне и лаборанта не положено?

- Обычно наши учителя делают это накануне, – директор говорил приветливо, но Снейп почему-то живо представил на его месте добродушно улыбающегося Дамблдора, и картинка не выглядела фальшиво. Альбус тоже умел разговаривать ласковым, не допускающим возражений тоном.

Ему что, на роду дамблдоры написаны?

Кабинет также привёл зельевара в уныние. Облезлое чучело вороны, две ободранные таблицы, одна с внутренним строением крысы (которой какой-то умелец с несомненным талантом художника пририсовал гипетрофированные половые органы), вторая – с разнообразием сложноцветных, и разборной муляж «Строение цветка» составляли всё наследство, доставшееся ему от прошлого учителя. Задумываться о причинах этого Северус не стал, сейчас намного важнее привести класс в порядок. Снейп запер дверь – хорошо, что она закрывается изнутри, – встал в центре кабинета и задумчиво взмахнул волшебной палочкой. Бук и драконьи сердечные струны, тринадцать дюймов, длиннее его обычной, неудобно. Но министерские могут засечь магию, а это серьёзнее, чем тоска по родной палочке.

Обустраивать свой кабинет, да ещё и не в Хогвартсе, было странно. Но прошлое умерло, осталось там, откуда он ушёл, а значит, пора привыкать.

* - в Британии большинство школ - государственные. Они

делятся на comprehensive schools (наш перевод термина - “общеобразовательная школа” или просто “школа”) и grammar schools (наш перевод термина - “гимназия”). Считается, что образование лучше всего в частных школах и гимназиях, общеобразовательные же школы по качеству образования стоят далеко позади, хотя их по стране большинство. Одним словом, это мало чем отличается от нашей ситуации.

** - три школы на подобный городок - нормальная практика для Британии.

*** - 1956 год в варианте авторов - год рождения Люциуса.

**** - 10 марта родился Ремус Люпин

Глава 2.

Первое сентября было таким же мерзким днём, как обычно. Галдящие и бегающие дети в неприличных количествах, неинтересные, приторно торжественные коллеги, надутый, как шарик, директор, произносящий Речь… Только здесь добавлялись ещё суетливые родители, слава Мерлину, немного: рабочий район всё-таки. Снейп забился к себе в кабинет и готовился к урокам, почему-то на рабочем месте лучше получалось разобраться в море новой информации и продумать, что может понадобиться ему на занятии. Хотя иллюзий Северус не питал: более чем наверняка ученики окажутся такими же тупицами, как студенты Хогвартса, или даже тупее, это ведь школа откровенно невысокого уровня.

Впрочем, дети везде одинаковые, плюс-минус двадцать пунктов коэффициента интеллекта. Разницы-то, дебил или имбецил? Да уж, выбрал ты себе, Северус, профессию, что и говорить.

Накануне он спал спокойно, как младенец. Снились, правда, длинные нити рибонуклеазы и схема кровеносной системы человека, отчего-то накладывающаяся на схему магических потоков. Наверное, всё же не надо было читать на ночь.

Первыми ему, как нарочно, достались одиннадцатилетки. У Альбуса это было любимой шуткой: утром второго сентября наградить декана Слизерина первокурсниками, желательно гриффиндорцами, для поднятия боевого духа. Ещё для поддержания тонуса хорош первый курс по понедельникам. Или пятый, который к С.О.В. надо готовить. Помнится, кто-то из коллег спросил, любит ли он экстремальный отдых. Он тогда ответил, что после его экстремальной, можно даже сказать, взрывной работы только слалома или прыжков с парашютом не хватает, чтобы мирно закончить жизнь в палате Св.Мунго, и пообещал подумать над предложением, когда всерьёз соберётся

на пенсию, а его не пустят. Даже Дамблдор его поддержал, заявив, что зельеварение – столь же опасный предмет, как и полёты на мётлах, и низкая травматичность студентов – личная заслуга профессора Снейпа.

Северус вздохнул и вошёл в класс. С его появлением зазвенел звонок, и учебный год наконец начался по-настоящему.

- Здравствуйте, леди и джентльмены. Меня зовут мистер Снейп, повеселиться по этому поводу вы можете на перемене. Пока же попрошу вас уяснить, список вещей, которые вам понадобятся во время наших занятий. А лучше записать, так как наукой давно доказано, что в головах у детей вашего возраста ничего не держится дольше пяти минут,

Маленькие паскудники сидели тихо, но Северус-то знал: это ненадолго. Сейчас они напуганы новшествами: предметы, учителя, кабинеты – всё в первый раз, всё незнакомо. Стоит им привыкнуть, и мерзавцы покажут себя во всей красе. Надо с самого начала закрутить гайки, привычно проворчал внутренний хаффлпаффец. А слизеринец, хитро прищурившись, вдруг возразил: закручивать все станут. Тут нужно что-то другое. Гриффиндорец хмыкнул и предложил пригодное для себя: заинтересовать. Перед глазами понеслись строчки убористого печатного текста. Поверить, что ли, алгебру гармонией, а теорию практикой? В конце концов, не зря же он учил всю эту муру?

- …теперь отложите ручки и послушайте меня внимательно. На следующем уроке получит хорошую оценку тот из вас, кто сможет внятно объяснить правила работы с микроскопом. Я, разумеется, осознаю, что, скорее всего, мне придётся разъяснять вам такие элементарные вещи самому, но надежда, самое живучее из человеческих заблуждений, всё ещё теплится в моей душе.

Было очень трудно говорить «ручки» вместо «перья», обещать поставить хорошую оценку, а не начислить баллы, но Северус Снейп всегда славился жёстким самоконтролем. Он строго оглядел класс, оживившийся после его слов, и добавил:

- Также, по всей видимости, необходимо подчеркнуть, что на моих уроках требования к дисциплине ничуть не ниже, чем у других преподавателей. Скорее наоборот. Поэтому я убедительно попрошу в дальнейшем воздержаться от шума в моём кабинете. Во избежание санкций. Теперь поговорим о том, что нам предстоит изучать, – о живой природе…

С младшими всегда сложно и просто одновременно; эти не стали исключением. Они ничего не знали. Даже того, что Драко было известно раньше, чем он научился связно говорить. С другой стороны, на них действовали элементарные уловки, даже такие,

которые тот же Драко на первом курсе презрительно называл дешёвыми. Что ж, не всем быть слизеринцами. К концу урока дети полагали себя самыми умными, хотя смогли лишь всем классом довольно невнятно сформулировать основные признаки, по которым живое существо можно отличить от неживого предмета. Снейп предельно просто изложил им девять главных критериев и велел дома потренироваться доказывать, почему, к примеру, мышь живая, а камень – нет. Задание для олигофренов, так что, может, и справятся.

Следующими в расписании шли здоровые четырнадцатилетние лбы, и Северус не питал иллюзий на их счёт. Такие же тупые, только уже с характером.

Главное – не запутаться. Четырнадцатилетки, четвёртый курс, здесь – десятый класс. Мерлинова задница, он двадцать лет звал их четвёртым курсом! Переучивайся теперь… Всё как обычно; магглы идут в школу с пяти лет, а не с одиннадцати, как волшебники, а отдуваться должен Северус Снейп.

Хотя, когда ещё переучиваться-то, как не сейчас? И так жизнь, считай, с чистого листа начинается.

- Ну, молодые люди, кто может рассказать, к какой биологической группе относится вид человек разумный?

Тишина абсолютна. Нет даже мухи, которой положено одиноко жужжать в подобных ситуациях.

- Семейство? Отряд? Класс? Тип, наконец?

Молчание. А ведь эти бестолочи летом сдавали экзамен! Государственный тест, страшное страшилище, пугающее всю маггловскую Британию своей невероятной сложностью. И сейчас перед ним сидит не весь класс, а только те, кто выбрал биологию.

- Что ж, значит, мне придётся вам это объяснять. Не скажу, что сильно удивлён. Записывайте. Все живые организмы делятся на две империи: клеточных и доклеточных. Все клеточные, как может легко понять мыслящее существо, состоят из клеток. Кто скажет мне, что за существа относятся к доклеточным?

Через несколько секунд нерешительно поднимается чернокожая рука.

- Да, мистер…?

- Джейсон, сэр. Кирк Джейсон. Я по телевизору слыхал, что какие-то микробы не состоят из клеток. Только запамятовал, какие, то ли бактерии, то ли вирусы.

- Правильно, мистер Джейсон, именно вирусы относятся к доклеточным. Запишите: империя доклеточных содержит царство Вирусы. Название царства пишется с большой буквы. Правда, сейчас большинство учёных всё же склоняется к мысли о том, что

это не живые существа, а некие, как принято выражаться, «неживые болезнетворные факторы». Тот из вас, кто на следующий урок приготовит сообщение о причинах этого, получит высокую оценку. Также я был бы рад услышать личное мнение кого-нибудь из вас о том, стоит ли признать вирусы живыми или неживыми. Разумеется, мнение должно быть аргументированным. Записывайте дальше: к империи клеточных относится два надцарства – ядерных и безъядерных. Кто скажет нам, о каких ядрах идёт речь?

По классу прошелестел негромкий смешок; девица модельного вида, накрашенная слишком броско для ученицы, подняла руку с безупречным маникюром.

- Слушаю вас, мисс.

- Ядро – это часть клетки. Вроде мозга. Оно управляет клеткой, и в нём находятся гены. Только я не понимаю, как могут быть клетки без ядра?

- Отлично, мисс, вы совершенно правы. Рассказываю, как могут быть клетки без ядра…

Не сойти с ума сегодня. Потом он привыкнет. Две девицы на задней парте, как сёстры похожие на мисс, знающую про ядро, красят ногти. Но слушают его, и Снейп не делает им замечания. Гриффиндор полёг бы с инфарктом поголовно, доведись ему увидать такое.

- … таким образом, и в безъядерных клетках есть всё то, что должно помещаться в ядре. Просто оно находится в чуть более примитивном виде и рассеяно по всей клетке. Это понятно?

Нерешительное, но довольно стройное «Да». Отлично. Ещё унция знания вложена в эти тупые башки. Скоро ли оно выветрится из них?

- Запишите: к надцарству безъядерных относится царство Дробянки. Как пишем название царства?..

Потрясающе, но за урок они добрались до отряда Приматы, и за минуту до звонка Северус осчастливил десятый класс – не забыть, десятый! – знанием о существовании семейства Люди. Задал на дом изучить эту классификацию, уметь отвечать на вопросы типа «Какие классы относятся к типу Хордовые?», самостоятельно подобрать примеры. Напомнил про дополнительные баллы тем, кто разберётся с вирусами. Сказал «Урок окончен», и в ту же секунду зазвенел звонок. Дети зашумели, вставая; пришлось повысить голос, чтобы они услышали призыв подойти к нему за оценками. Лучше нарисовать лишнюю букву* Джейсону и паре других охламонов, у которых держится в голове хоть что-то помимо имени самого модного в этом сезоне рэппера, может, им понравится и захочется ещё.

А ведь до конца дня ещё далеко.
Не сойти с ума сегодня…

После четвёртого урока Снейп уже не помнил о своих педагогических экспериментах. Он словно бы опять вернулся в восемьдесят первый год, когда каждое занятие требовало от него как минимум часовой подготовки, и было невероятно сложно выдержать рабочий день до конца. После уроков приходилось ложиться спать, так выматывали ученики. Потом, конечно, привык. Теперь, видимо, придётся пройти через это снова. Масса новой информации; что рассказывать на следующей неделе, понятно смутно; если вдруг попадётся умник с каверзным вопросом, неизвестно, как выпутываться, поскольку знаний, как у первокурсника.

Младшие классы – седьмые и восьмые, запомнить! – смотрели на него с непонятным восторгом и слушались, будто под Империусом. Хорошо, но странно. Разобраться потом. В школе полно негров и латиносов, есть арабы. Это дополнительные сложности: он привык к «высокому английскому» и плохо понимает их дикие акценты.

Что делать с девятыми, неясно совершенно. Им в конце учебного года сдавать экзамен. Не знают ни дракла.

Ну и ладно. Могло быть и хуже. Например, естествознание могло делиться на химию, физику и биологию с десятого класса, как во многих других школах. И ему пришлось бы учить ещё больше маггловской муры, чтобы преподавать общую дисциплину младшим классам и тем из старших, кто не выбрал бы биологию**.

В конце концов, он мог выгнать этого Макномару и сейчас сидеть в доме, тупо пялясь в стену. Не лучшее времяпрепровождение для профессора зельеварения, не так ли? Ну да, обучать недоумков, которым далеко даже до Крэбба с Гойлом, как раз достойно его высокого звания.

На последнем уроке снова были малыши. Седьмой класс, забавные и немного напуганные. И страшно тупые.

Драконья моча, занимайся теперь перед каждым уроком прикладной математикой: если первый класс – это пять лет, то седьмой – это сколько?

- Итак, чем же всё-таки отличается живое от неживого?

- Оно живёт, – решительно заявляет веснушчатый паренёк с большими глазами орехового цвета.

- Живёт? А в чём это выражается? Вот я скажу вам: камень живёт на дороге. Как вы докажете мне, что я неправ?

Задумались. Снейпу казалось, будто он слышит: их мысли,

маленькие, незрелые, со скрежетом ворочаются в головах.

- Ну… оно умирает, – неуверенно сказала девчушка с длинными косами.

- А что это значит – умирает? Я скажу вам: этот камень жил, а теперь он умер. Где я ошибаюсь?

- Живое дышит, – упрямо ищет способ оказаться правым веснушчатый.

- Отлично, записывайте один из признаков живого: дыхание.

- А разве дерево дышит? – недоверчиво спрашивает вертлявый мальчишка за первой партой.

- Несомненно. Правда, оно при этом не сопит так шумно, как ваш сосед. Ещё отличия живого от неживого мы знаем?

- Живое питается, – кажется, длиннокосая девочка поняла, что от них хотят.

- Правильно, мисс. Записывайте второй признак: питание…

- И ещё оно того… в туалет ходит, – парень за первой партой явно получает удовольствие от происходящего. Не скучно, и себя показать можно.

- Совершенно верно, пишем третье: выделение.

Ну же. Совсем чуть-чуть осталось. Звонок через двадцать восемь минут. Снейп рассказывал про гомеостаз, а сам просто и незамысловато мечтал о хорошем кофе. И чай сюда надо притащить. Разный. Зельевар без бодрящего чая – всё равно что географ без глобуса. Хотя здешний вроде картами обходится… Оно и неудивительно, если вспомнить, какое убожество было в его собственном кабинете.

Вечер и несколько последующих дней прошли словно во сне. Приходя домой, Северус часа три спал – голова шла кругом от новых лиц, шума и непривычного распорядка, – потом обедал и читал книги, готовясь к занятиям.

Понемногу, как он и ожидал, всё налаживалось. Запоминались дети, новые лица приобретали имена, двенадцатилетки стали наконец восьмиклассниками, Джейсон больше не путался с Джорданом, а Аннабель Смит – со своей сестрой Абигайль. Выяснилось, что его коллеги не сплошь идиоты, встречаются и вполне адекватные личности; Макномара преподаёт девятым и двенадцатым классам математику, потому что учителей не хватает. Ситуация не радовала: Литл-Бери трёх государственных школ явно было многовато. Конкуренты – Королевская гимназия Литл-Бери, заведение солидное и почитавшее себя элитным, и Средняя общеобразовательная школа Риблсдейл, практически копия той, в которой сейчас работал Снейп, – находились за рекой, в «хороших районах», и из года в

год показывали значительно лучшие показатели, чем Риверсайд, где верховодил Макномара. Оно и неудивительно: в Заречье и контингент другой, и учителя не торопятся идти сюда работать, добираться до дома из плохого района не каждый согласится. Уже третий год школу порывались закрыть, но директору пока удавалось её отстоять, скармливая департаменту образования обещания вот прямо завтра начать улучшать показатели. Чиновники наконец стали терять терпение, и этот учебный год вполне мог оказаться для Риверсайда последним.

Выяснилось, что книженция про Гарри Поттера ещё более популярна, чем Северус думал. Причина восхищения младшеклассников обнаружилась быстро и оказалась весьма тривиальной. «Наш Снейп прямо как настоящий!», - захлёбываясь от восторга, рассказывала девочка с блестящим обручем на голове встречавшей её из школы маме. Зельевар кисло улыбнулся. Его любили за то, что он похож на мрачного типа из книжки. Великолепно. Просто замечательно.

Впрочем, одёрнул его внутренний хаффлпаффец, начитавшийся маггловских учебников зануда, какая разница, с чего они тебя полюбили? Главное – положительная эмоция есть, ты им нравишься. Значит, легче будет заинтересовать. Сам посуди: дети в восторге от того, что ты шипишь на них. Превосходно, шипи дальше! Тебе легче, им приятно. Только не загуби приязнь. Школе нужны эти чёртовы показатели успеваемости. Ты, соплохвосты раздери, для того и нужен, чтобы их обеспечивать!

Макномара, встретив его в коридоре, между делом обрадовал новообретённого биолога новостью о грядущем педсовете и попросил к тому времени сформировать и высказать своё мнение о положении в школе. «У вас свежий взгляд, мистер Снейп, надеюсь, это поможет». Чему поможет, Северус не спрашивал. И так ясно: совет ожидается скорее не педагогический, а военный. Что ж, приглядимся.

Одиннадцатый класс зельевара не радовал. На редкость упрямые в отстаивании своего права на невежество, эти замечательные дети в прошлом году не прошли программу до конца. Теперь придётся догонять. Кажется, привычная игра «Гриффиндор против профессора Снейпа: кто кого переупрямит?» возрождается в новом качестве.

Родольфус Лестранж сказал как-то, почти сразу после драматически обставленного побега из Азкабана: «Циником быть скучно, джентльмены. Всего дел – думать о людях самое плохое и редко ошибаться. Лучше оставаться идеалистом: подгонять мир под себя, удивляться его противодействию, набивать шишки…

Опаснее – да, но насколько же интереснее!». Малсибер в ответ хохотнул, затянулся маггловской сигаретой и патетически вопросил: «Ну и что тебе мешает? Программа-то у нас прежняя, Лорд – тоже…». Кислая усмешка Родольфуса и его горькое: «Жизненный опыт» Северусу запомнились надолго.

Ученики средних и старших классов государственной средней школы Риверсайд почти все жили скучно. То есть, были циниками. Не притворялись, как молодые люди из хороших семей. Были.

Впрочем, давай честно, Северус: ты пришёл в Хогвартс полным надежд и иллюзий? Пожалуй, да. Но только потому, что начиналась новая жизнь. Так тебе казалось тогда. Поняв ошибку, ты быстро вернулся к прежнему скептическому взгляду на мир, сделав исключение лишь для Люциуса. И то – вне магического мира Малфой совсем не воспринимался авторитетом.

Что ж, циникам – циничные вещи: объяснение пользы биологии для будущей карьеры. На практических примерах. Когда выяснится, что половине сидящих здесь оно сто лет не нужно – безжалостное выдавливание из целевой аудитории. И продолжить педагогические эксперименты, используя новые знания, на сей раз по дисциплине со странным названием «особенности преподавания средним группам»… да вот хотя бы с задней парты второго ряда!

- Мистер Годдард, будьте добры принести мне тот журнал, который вы листаете под партой.

Всклокоченный паренёк с неровно обрезанной чёлкой испуганно-нахально глядит на учителя и дерзит – не всерьёз, на пробу:

- Вы не имеете права, мистер Снейп!

- Мои права и ваши обязанности мы обсудим после урока. А сейчас будьте любезны исполнять распоряжение! – и улыбнуться уголками губ. Помнится, слизеринцы от такой улыбки бледнели и порхали почище докси.

Порхать Алан Годдард не стал, однако угрозу оценил правильно. Насупился, выругался про себя, но перечить не осмелился. Журнал лёг на учительский стол. Ну-ка… порнография. Вот кто бы сомневался. Восьмой класс, двенадцать лет, не рано ещё?

Новообретённые знания советовали перейти от случайного предмета к теме урока. И каким, простите, образом из голой грудастой красотки следуют особенности внутреннего строения дождевого червя?

А бюст у девицы при данном объёме чересчур торчит, чтобы быть натуральной.

- Так-так, - Снейп равнодушно глядел на журнальчик и вещал в класс, - грудная клетка узкая, при таком расположении подкожно-жировой клетчатки имеющаяся в наличии грудь выглядит неестественно. Собственно, неестественной она и является. В связи с этим хочу отметить, что стать кормящей матерью данной леди не грозит. Силиконовые протезы таких размеров должны сильно сжать молочную железу. Прошу передать журнал по классу, дабы все присутствующие убедились в сказанном.

Похоже, «ошарашенные» - слишком слабый эпитет для выражения детских лиц. Порнушка гуляла по партам, а ученики даже не хихикали. С левого ряда донеслось: «Вот так и становятся импотентами».

Мерлин, какую же глупость иногда приходится говорить для привлечения внимания!

- Однако этой леди повезло: у неё всего лишь передавлены молочные железы. Неприятно, но жить можно. Если же накачать силиконом дождевого червя, картина выйдет не столь радужной…

Есть! Зацепил. Класс грохнул немного истерическим смехом, однако червяк с имплантантами целиком завладел вниманием учеников.

- И кто мне сумеет сказать, почему силикон несовместим с внутренним строением дождевого червя?

Зашуршали страницы учебников. Вверх поднялась первая рука.

- Слушаю, мисс Смит.

Как выяснилось, своя мисс Смит была практически на каждой параллели. Добрые дети охотно рассказали Северусу, что в этом славном роду семь дочерей, всех зовут на «А». Обычный приём в небогатых семьях с консервативным укладом, где до сих пор на одежде и белье вышивают инициалы владельца. Анна, Аманда, Августа, Алиса, Аннабель… Дальше он не запомнил. Намного больше, чем разнообразие женских имён на «А», Снейпа интересовал мальчишка, прилагавшийся к одной из Смит.

Мальчишку звали Вернон. Спасибо, не Дурсль. Вернон Джебраил Касл. Громила, очень похожий на Грега Гойла, однако по-маггловски ленивый, тупой и беспросветно наглый. И держащий в подчинении класс. Явный лидер. Поттеру и не снилось. Малфою… возможно, снилось, но разве что в розовых грёзах.

Вернонов Северус не любил. Из глубин памяти всплыла детская драка. Эх, как же он тогда отлупил Дурсля, решившего вступиться за честь дамы сердца! Глупый мальчишка из

приличной семьи, надеющийся на силу старательно раскормленного тела… Против выросшего в Тупике Прядильщиков Снейпа, привыкшего махать кулаками по поводу и без, у толстяка не было шансов.

Этот Вернон другой. Хищник, сразу видно. Преподавателя снисходительно игнорирует, но сидит тихо. Смотрит в свежеотмытое окно, на лице – презрительная мина. Я здесь главный. Самый главный. Не забывайтесь, придурки малолетние.

А в голове… в голове безраздельно царит мисс Аннабель Смит, прилежно читающая учебник за первой партой центрального ряда. Ого, какие мальчик знает позиции! И какие слова, описывающие безнадёжность этой, несомненно, великой любви! Сразу видно, что мисс Аннабель – девушка порядочная, ничего такого никогда не позволявшая, а посему – доступная лишь в мечтаниях. О которых она не узнает, потому как… потому как, короче говоря. Вернон плохо осознавал свои душевные порывы, парень ещё не дошёл до аналитических выкладок. Просто именно Аннабель в классе позволялось делать всё, что угодно. Чем барышня Смит совершенно не пользовалась, ибо вряд ли догадывалась о высочайшем разрешении. Очень типично для порядочных девиц.

Старая боль подкралась на цыпочках и изо всех сил ударила под сердце. Лили, рыжая чёлка, сияние зелёных глаз… Упрямая моя. Хорошая. Как же люблю…

- Итак, сегодня мы с вами начнём рассматривать сердце человека.

Может, стихи ей написать? Порядочные любят… Это снова Вернон. Ну-ну, медвежонок, и какие же рифмы придут в твою глупую голову? Love-dove… Кто бы сомневался. Розы-грёзы-паровозы. Стандартный набор. Ты сам-то понимаешь, насколько жалким и смешным выйдет написанный тобой уродец-стих? Ага, понимаешь. Небезнадёжен.

- Сердце человека располагается в грудной клетке. Это четырёхкамерный мышечный орган…

Мистер Касл не слушает. Он ищет рифму к слову «сердце». А зря.

- Величина сердца приблизительно соответствует величине кулака человека. Но всё зависит, разумеется, от индивидуальных особенностей. Сравним для примера кулак мисс Смит и мистера Касла…

Встрепенулся. Класс хихикает и замирает под лениво-внимательным взглядом из-под белёсых ресниц. Ничего, обошлось: Вернон тоже решил улыбнуться. Ещё бы – ведь Аннабель весело! Так и быть, за это простим учителю шутку.

Глупый ты маггл, Вернон Джебраил Касл! Не знаешь, с кем связался. Ты мне нужен, потому что можешь приказать классу сидеть тихо, учить уроки, прыгать на одной ножке и петь «Правь, Британия, морями». Значит, ты будешь моим. А твоя любовь мне в этом поможет. Я научу тебя, как заставить сердце порядочной девочки биться сильнее в твоём присутствии. Только в твоём!

Но не бесплатно.

Впрочем, тебе понравится.

- Я сказал, что сердце – четырёхкамерный мышечный орган. Кто может объяснить, почему именно четырёхкамерный и зачем мышечный? Да, мисс Смит?

К педсовету Северус подготовился основательно. Грошовый блокнот с листками плохой серой бумаги – неожиданный подарок предшественника, обнаруженный в столе – исписал полностью, и на обложку залез. Памятуя хогвартские совещания, профессор сформулировал пару Главных Вопросов и приготовился с боем добиваться их решения в нужном для себя ключе. Ну и, разумеется, прихватил две пачки тетрадей, которые надо было проверить на завтра.

Самой важной Снейп считал проблему экзамена по естествознанию. Его в обязательном порядке сдавали все девятиклассники, и состоял он из заданий по биологии, химии и физике. Если в своём предмете Северус был уверен – в конце концов, даже гриффиндорцев обучал, и ничего, писали, как миленькие – то недостаточная компетентность химика и физика могла подпортить показатели. Разумеется, сам факт существования комбинированного экзамена казался зельевару несусветной глупостью; каждый учитель учит по-своему, поэтому логичнее всего система «один преподаватель – один экзамен». Но магглы – такие выдумщики…

Макномара, как выяснилось, не принадлежал к директорам, заставляющим коллег внимать своим речам часами. Он кратко обрисовал ситуацию в школе на начало учебного года, назвал число учеников, количество вакансий, напомнил расспросить знакомых, не нужно ли кому-нибудь трудоустройство, ещё раз огласил неутешительные результаты последнего внешнего тестирования – процент успеваемости по каждому предмету. Всё это заняло минут восемь. Потом кругленький толстячок, растерявший где-то забавную бесшабашность, попросил высказаться поочерёдно руководителей выпускных параллелей***, а потом – новых учителей, «чей свежий взгляд несомненно интересен, а насущные потребности я по мере сил попробую удовлетворить». Слушая унылые доклады, Северус

заметил, что его комментарии на полях ученических работ стали более язвительными, а ошибки он начал зачёркивать штрихами на полстроки. От нудных жалоб историка, представительного усатого мужчины, сетовавшего на отсутствие всего на свете, начиная с карт и заканчивая мозгами в головах у детей, Снейп наконец потерял терпение.

- Ой, да ладно вам, – презрительно заметил он с места, откладывая одну тетрадь и открывая следующую, – вас послушать, так мы должны дружно повеситься на плохо постиранных шторах. Не вгоняйте коллег в депрессию, лучше предложите что-то путное!

Историк угрожающе надулся – ясное дело; Снейп тоже не любил, когда его перебивали – и совершил ошибку, предрешившую исход дискуссии. Впрочем, на это Северус и рассчитывал.

- А что тут можно предложить? Школу спасут только финансовые вливания – серьёзные финансовые вливания, попрошу заметить! – и исключение хотя бы самых безмозглых учеников. И то, и другое – утопия. Может быть, вы предложите способ обучать тупых и ленивых бездельников без единого наглядного пособия? Картинки могли бы хоть искру интереса в них зажечь.

- Извольте, – Снейп и не подумал подняться, просто отложил ручку и посмотрел на оппонента в упор, – предложу. Чего вам там не хватает, карт? Вы знаете, как они должны выглядеть?

- Разумеется, – фыркнул усач, – в любом справочнике или методическом пособии…

- Вот и прекрасно, – прервал его Северус. – Вам известно о великом изобретении под названием ксерокс? Насколько я знаю, у господина директора есть этот образчик в меру высокой технологии. Кажется, он даже способен воспроизводить цветные изображения – не так ли, мистер Макномара? – Директор задумчиво кивнул. – Берёте ваш справочник, копируете нужную карту с максимальным увеличением, разрезаете полученный лист на четыре части, каждую из них копируете с максимальным увеличением. Повторяете до тех пор, пока не получите куски, из которых можно собрать карту интересующего вас размера. Эти куски наклеиваете на такое изобретение, как картон, при помощи таких изобретений, как скотч или клей. Для экономии времени рекомендую вам лично пройти только первый этап процесса – скопировать карты из книг, а дальнейшее поручить кому-то из учеников и обозвать курсовым проектом. Леди и джентльмены, я категорически отказываюсь вас понимать. У вас нет пособий? Да, это, несомненно, горе. Но почему вы ждёте, пока вам их

пришлют? Безвыходная ситуация получается: вы ждёте, пока чиновники обеспечат вам учебный процесс, чиновники ждут, пока вы предоставите им вменяемые показатели успеваемости. Так и будем сидеть и смотреть друг на друга?

На Северуса уже с интересом уставились все; проверка тетрадей была заброшена, равно как и чтение газет и журналов. Вот теперь, пожалуй, можно встать и пройтись к доске. Бедные учителя, жертвы маггловского технического прогресса! Они привыкли работать с готовыми методическими пособиями. Их, несчастных, учат, что пособия есть всегда, в каждой школе. А если их нет, значит, и учить совершенно невозможно.

Ха! Посмотрели бы они, как выкручивался из ситуации с постоянной нехваткой ингредиентов единственный в Британии профессор зельеварения! Вот уж для кого нормы технического обеспечения не разработаны и методические рекомендации не придуманы.

- У нас, коллеги, есть всё необходимое для работы, а именно: головы на плечах, знания в головах и много рабочих рук. Уважаемый мистер Прескотт, как я понял, руководитель девятой параллели, жаловался, что учеников нельзя мотивировать выполнить обязательные для допуска к экзаменам курсовые проекты****. Позвольте вас спросить, что вы им предлагали? «Подумайте, над чем вы будете работать, и сообщите?» Здесь не Британский университет, леди и джентльмены, перед этими детьми надо ставить чёткие, доступные, простые для выполнения задания. Одно только изготовление карт по истории – и уже минимум полгруппы занято проектами.

- Но как подобную техническую работу можно назвать проектом? – усатый историк наконец изловчился и вставил реплику в тираду Снейпа. – Они же ничего не изучают! Не получают новых знаний, умений и навыков!

- У меня есть два возражения на это замечание, глубокоуважаемый сэр, – Северус развернулся к коллеге, глянул на него чуть насмешливо. – Во-первых, детям свойственно любопытство. Изготавливая такое пособие, следя, чтобы куски были склеены в правильном порядке, ученик неплохо изучит его. Вы готовы утверждать, что дети уже знают всю информацию, которую может им предоставить карта, а следовательно, не извлекут из задания ничего нового? По крайней мере, после завершения этой работы у них будет чуть больше знаний по истории, чем было до её начала. А во-вторых, что вас больше интересует: знания, полученные одним балбесом, или карты, по которым впоследствии станет учиться вся школа? Думаю, мне не надо объяснять, что таким же образом, как карты, можно

изготавливать, к примеру, таблицы. Далее, – Северус прошагал к столу, за которым недавно сидел, взял свой блокнот, пролистал. Головы преподавателей повернулись за ним. – У Кэрол Уизерскотт отец – помощник адвоката, он может раздобыть для неё интересную информацию по социологии – почему бы не дать ей соответствующий проект? У некоторых детей родители работают на стройке, им можно предложить, например, задание по химии, связанное, скажем, со свойствами цемента, или расчётную работу по математике про количество стройматериалов или, я не знаю, вес одной кирпичной стены. И так далее, выяснить, у кого какие возможности, вовсе не сложно. Думаю, продолжать не надо, в целом вы поняли, что я имею в виду. Меня, собственно, интересуют мои, так сказать, ближайшие коллеги, которые преподают физику и химию; нам вместе экзамен сдавать, поэтому надо бы, наверное, поговорить отдельно.

- А толку? – пожал плечами физик, ещё один унылый широкоплечий дядька – их здесь, похоже, делают фабричным методом. – Всё равно они ни черта не знают и знать не хотят.

- Знать пусть не знают, если не хотят, – отрезал Снейп, – а заставить сдать экзамен можно даже обезьяну.

- Это вы так говорите, мистер, потому что у нас недавно, – невозмутимо продолжил широкоплечий. – Я здесь четвёртый год и со всеми иллюзиями уже расстался.

- Я, уважаемый, расстался с иллюзиями лет пятнадцать назад. Дрессуре поддаётся любое живое существо, даже инфузория-туфелька. Всё зависит от методики.

- Вы как хотите, мистер Норрисон, – вмешалась наконец химик, юная девица явно только что из колледжа – как бишь её, Соммерс? Сандерс? – а я с удовольствием поговорю с мистером Снейпом. Сэр, вас устроит сразу после педсовета?

- Устроит, мисс, – Северус уселся на своё место и снова взялся за тетради, давая понять, что его выступление окончено.

- Вообще, коллеги, – неторопливо сказал Макномара, – я вижу некое рациональное зерно в словах мистера Снейпа. Рекомендую всем подумать об этом. В конце концов, предполагать, будто нам повысят финансирование и мы сможем закупить недостающие пособия, действительно не приходится. Что ж, теперь позвольте мне рассказать вам об очередных распоряжениях департамента образования, которыми нам придётся руководствоваться в этом учебном году…

Северус проверял работы болванов из восьмого класса, время от времени раздражённо чёркая в блокноте. Указания, зачитываемые директором, казались ему одно несуразнее

другого, но учитывать их придётся. Возможно, даже отчитаться в выполнении.

С этой мисс Сандерс, или Симмонс, или как её там, ему определённо повезло. Восторженная девушка, ещё не успевшая растерять романтические заблуждения по поводу устройства мира. Таких легче уговорить экспериментировать. А когда у них начнёт что-то получаться, глядишь, и физик подтянется…

Физик всё же оказался человеком практичным и не обидчивым: после педсовета он вместе с молодой химичкой дождался Снейпа и довольно миролюбиво поинтересовался, в чьём кабинете планируются посиделки.

- В моём, – уверенно сказал Северус, – там есть нормальный чай.

- Чёрный или зелёный? – чуть подозрительно уточнил мистер Норрисон.

- Тот и другой. Ещё пять видов травяных и пять – с травяными добавками. Так что найдёте на свой вкус.

- О, – только и сказал физик. Кажется, Снейп заработал в его глазах очков двадцать.

Мисс Всё-время-забываю-её-фамилию почтительно промолчала. Есть такая порода юных девушек, вчерашних выпускниц колледжа, они боятся тебя только потому, что ты старше и опытнее.

Норрисон рассусоливать не стал, прихлебнув чай, сразу перешёл к делу.

- Ну, что вы предлагаете насчёт карт и таблиц, я понял. Но физика – наука опытов и демонстраций, где приборы взять?

- Насколько я помню, – Снейп поставил чашку перед химичкой, – в школьном курсе физики не используются очень сложные устройства, скорее наоборот. Ученикам надо показать принцип действия того или иного прибора, а значит, он должен быть достаточно простым, чтобы они смогли его понять. Следовательно, можно попытаться сделать все эти штуки, при помощи которых вы показываете опыты.

- Сделать? – переспросил физик.

- Сделать, – Северус кивнул, поставил перед коллегами тарелочку с печеньем и сел. – Я сам вырос в этом районе; детям здесь не хватает знаний и воспитания, но руки у них вполне приспособлены к труду. Если потратить время и втолковать такому балбесу принцип действия прибора, а желательно ещё и картинку показать, он вполне способен его собрать из подручных материалов. А если ещё пообещать засчитать эту поделку в качестве курсового проекта – разумеется, при условии корректной работы устройства – то надлежащее старание обеспечено. Что же

касается таблиц, в Риверсайде есть умельцы, способные сделать вполне пристойные рисунки. По крайней мере, граффити на задней стене школы у них получилось отменное.

- Граффити… – тихо повторила химичка. Похоже, её мозг наконец сообразил, что хозяйка давно выбралась из утробы матери и неплохо бы поработать. – Таблица Менделеева… на стенах кабинета… баллончиками…

- Да-да, – подхватил Северус, поняв, что девушка имеет в виду, – и обязательно разноцветными! Чтобы соблюсти, так сказать, достоверность.

- Краской из баллончиков? На стенах? – Норрисон скривился. – Мисс Саракис, это вульгарно!

- Отчего же? – С пылом, свойственным юности, учительница бросилась на защиту своей идеи. – Это современно! К тому же, на стене можно нарисовать большую таблицу, до самого потолка! И будет оправдано, если я заставлю детей сначала потренироваться на бумаге, а то ведь стену и испортить недолго.

- Мисс Саракис права, – сказал Северус, отпивая из чашки. – Яркие краски, привычные глазу, запомнятся. А на другой стене – таблицу растворимости и строение атома… Когда придёт время делать ремонт в кабинете, перерисуют заново, им полезно. Строение атома, кстати, можно и у вас нарисовать.

- Нет, – физик мотнул головой, – если уж на то пошло, мне лучше стены формулами исписать. Они их всё равно не помнят, так хоть что-то в башках отложится.

- А у меня нарисуем эволюционное древо, – продолжал Снейп. – И таблицу таксонов. Таким образом, кабинеты дисциплин, составляющих естествознание, будут оформлены единообразно. Стало быть, и единый экзамен единообразно сдадут… Мне нравится эта идея, коллеги. Теперь по поводу проектов; надо поделить учеников между нами и озадачить. Предлагаю ближайшую неделю потратить на согласование этого разделения. Здесь у меня список учеников девятых классов, которых я хотел бы, если не возникнет никаких дополнительных обстоятельств, взять к себе на проекты, – Северус пролистал блокнот и, отыскав нужную страничку, передал его коллегам. – Я специально не учитывал тех, кто хорошо учится, этих поделим отдельно. Посмотрите, и если у вас нет принципиальных возражений, будем говорить с ними. И ещё. У меня есть одна просьба. Личная. По какому бы предмету ни получил проект Вернон Касл, пусть он выполняет его совместно с Аннабель Смит.

- Кстати, - подскочила мисс Саракис, - Аннабель распределяем поровну!

Физик расхохотался:

- Делим по весу? По молекулярной массе или по молярной?

- Не будем делить, - Снейп в корне задавил надвигающуюся ссору. – Будем умножать. На тридцать три целых и три в периоде процента. Иными словами, придумаем ей проект по всем трём дисциплинам сразу. В конце концов, экзамен у нас один.

- Проект по трём дисциплинам? – заинтересовалась мисс Саракис. – Это как?

Зельевар вздохнул, отправил в рот ещё одно печенье и принялся объяснять.

* - в английской системе образования оценки выставляются буквами, самая высокая - А.

** для интересующихся - справка. Школьники Британии ежегодно сдают экзамены, результаты которых определяют качество работы учителя и уровень образования в школе. Если эти показатели низки, родителям сообщается, что они могут перевести детей в другую школу, если их не устраивают результаты. Это не значит, что иначе им нельзя переводить детей; это лишь делает причину перевода уважительной для “принимающей” школы. В 9 классе все ученики сдают обязательный экзамен, по результатам которого получают сертификат. Начиная с 10 класса они имеют право выбирать предметы. Одним из экзаменов является естествознание. В некоторых школах до 10 класса оно и преподаётся одним предметом, а начиная с 10-го ученик может продолжать изучать естествознание, а может выбрать химию, физику и биологию по отдельности. В некоторых школах (в том числе в Риверсайде) естествознание изучается раздельно с 11 лет, а после 9 класса ученик, которого это дело не сильно интересует, выбирает не раздельные дисциплины, а естествознание в целом.

*** - в Британских школах помимо классных руководителей есть руководители параллелей и главы домов (в общепринятом переводе - деканы факультетов). Руководитель параллели занимается делами, например, всех седьмых классов независимо от факультета.

**** - такие проекты обязаны выполнить девятиклассники перед допуском к экзамену

Глава 3.

В последнее время Северусу с какой-то радости часто снился Блейз. Не тот, ровесник Драко, а его отец. То весёлый мальчишка, которого Снейп помнил с детства, то мрачный, почти чужой тип, замкнувшийся после суда. Иногда во сне однокурсники сидели у

Эйвери – ещё когда Себас маялся под домашним арестом.

По утрам становилось совсем паршиво. Хотелось бросить всё и аппарировать к парням из старой компании – к любому, неважно, – взять за руку, слушать, как его ругают за то, что пропал, и извиняться. Да только без толку это; Северус даже не знал, кто из них в Азкабане, а кого и вовсе похоронили. Представлять себя стоящим у могил было невыносимо. Лучше запомнить друзей молодыми и сильными, и пореже вспоминать потухшие глаза азкабанских экс-сидельцев. В конце концов, он ведь принял решение и распрощался с прошлым. Теперь у него новая жизнь, а у них… можно сделать себе приятное и верить, что у них тоже всё хорошо.

Северус шёл на кухню, варил очередное зелье, которое должно было избавить от злых снов, пил кофе и шёл в школу. Там становилось легче: дети способны отвлечь от чего угодно своей безрассудностью, безалаберностью и беспомощностью в самых элементарных житейских ситуациях.

Пугающе толстые книги по педагогике поселились у изголовья кровати, высились там угрожающе накренившейся горкой и в случайном порядке читались на ночь. Действительно полезное чтиво, по крайней мере, справляться с цветами жизни изрядно помогало.

Большим плюсом в его работе было то, что к кабинетам биологии, химии и физики прилагались лаборантские. В них следовало хранить многочисленные наглядные пособия и материалы для опытов и демонстраций, описанные в методических указаниях. В школах наподобие Риверсайда это богатство, разумеется, отсутствовало. Обычно учителя использовали дополнительные помещения по самому естественному назначению – пили там чай и проверяли тетради, и Снейп не стал исключением. Но магия позволила ему не дожидаться, пока ученики наделают таблиц и муляжей, а попросту натрансфигурировать необходимое из всякого мусора. Немного, зачем захламлять кабинет; так, на пару уроков вперёд. Однако вовсе без лаборантской пришлось бы туго: даже этот минимум вещей нужно где-то разместить. Не в кабинете же к стенке прислонять! Милые детки непременно позаимствуют, причём объяснить, зачем, не смогут даже себе. Кажется, клептомания у заречных в крови. А помноженная на хозяйственность, она становится просто безграничной. Тащат всё, что видят: а вдруг пригодится?

Жаль, микроскопы и настольные лупы заклинанием не слепишь. Слишком тонкий механизм, а Снейп всё же не оптик-профессионал. Пришлось добывать обычными путями;

разумеется, заявку на оборудование, поданную перед первым сентября, удовлетворят в лучшем случае в следующем году. Но Северус привык выкручиваться. На первых же уроках он пообещал, что ученики посмотрят всякие интересные штуковины, если скинутся по пять фунтов. Деньги дети приволокли к четвергу, подпрыгивая от предвкушения. В понедельник утром Снейп распаковал новенькие микроскопы – слава Мерлину и его бороде, Манчестер недалеко, а там есть специализированные магазины. Правда, один агрегат приходился на четверых учеников, но это не так уж страшно, насмотреться на диковинки они успевали.

Теперь не забыть обмолвиться, что ещё за пять фунтов с носа будут настольные лупы.

В целом дело двигалось. Проекты удивили девятиклассников прежде всего своей выполнимостью. Оказывается, зареченским вполне по зубам то, что делают в «элитных школах» гипотетические «хорошие мальчики и девочки». Как Северус и предполагал, детишки с восторгом копались в справочниках (которые он же им и давал), советовались с родителями, проводили простенькие опыты и таскали образцы почвы и воды в лабораторию, где работала мама Мелинды Лернер. Трое негритянских мальчишек делали проект по давно бездействовавшему заводу. Понаходили в Литл-Бери следы загрязнения, оставшиеся со времён, когда производство действовало – снова пригодилась миссис Лернер. Сравнили с результатами деятельности аналогичного завода, благополучно извергающего дым в городе, откуда была родом мать одного из исследователей. Осталось самое сложное: оформить результаты в виде толстого доклада с таблицами и графиками. Его помогала делать старшая мисс Смит – сами ребята такие расчёты не потянули бы. Ещё двое широкоплечих парней радовались, как дети, выясняя в подробностях, чем загрязнена река, откуда эта дрянь валится и можно ли что-то с нею сделать. Снейп предусмотрительно наградил данным проектом ребят, имевших в своём классе влияние. Вскоре братья Гонсалесы для проверки первичных выводов подбили человек двадцать провести выходные за общественно полезным трудом и очистить изрядный участок берега от всего, от чего он очищался без привлечения высоких биотехнологий. Новоиспечённый биолог наблюдал за бурной деятельностью учеников с ухмылкой и время от времени подсовывал то книжку, то статейку, направляя внезапно (и, разумеется, ненадолго) возгоревшийся энтузиазм в нужное русло.

Как обычно, неприятности подстерегали за углом.

В любом обществе, Северус знал это с детства, есть свои

идиотские традиции, причём чем общество древнее и серьёзнее, тем более дурацкие у него обычаи. Естественно, имелись они и в Риверсайде, к счастью, не очень много, ведь школа Макномары не претендовала на звание старинной и уважаемой.

Одной из таких идиотских традиций было всеобщее сумасшествие на Хэллоуин. Учителя все как один наряжались в Страшные Костюмы, украшали свои кабинеты Страшно (обязательно пристраивая где-нибудь зубастую тыкву) и читали уроки, завывая, а дети от души потешались. Впрочем, сами преподаватели потешались не меньше.

Нет, Северус уважал право человека сходить с ума, как ему нравится, но ему-то зачем в этом безобразии участвовать? У него и так первые тридцать восемь лет жизни был сплошной Хэллоуин, он, может, только отдохнуть хотел! Но, увы, сделать вид, что в отдельно взятом кабинете биологии никакого Хэллоуина нет, не представлялось возможным. Во-первых, Снейп не хотел ссориться с коллегами по пустякам, во-вторых, не любил выглядеть идиотом. А в данной ситуации лучше быть идиотом как все, чем идиотом наособицу. Менее заметно. В итоге Северус стал готовиться к тридцать первому октября, ворча под нос слова, которые порядочному слизеринцу знать не полагалось.

Нет, пугать он никого не собирался. В конце концов, у нас ведь развлечение, верно? Вот и будем развлекаться.

Собственно Хэллоуин пришёлся на воскресенье, так что мистерию-буфф устраивали в пятницу. Поэтому в четверг после уроков по школе надо было передвигаться с осторожностью: учителя носились по коридорам со скоростью, которой позавидовал бы иной пятиклассник. К тому же оные пятиклассники, как и более великовозрастные лбы, норовили подглядеть за приготовлениями и всячески путались под ногами. Северус посмотрел на эту беготню и заторопился домой, к недочитанной «Генетике человека».

В пятницу он пришёл на работу за час до уроков. Внутренний хаффлпаффец его осуждал, шипел: «Выпендриваешься, как ребёнок прямо!». Слизеринец, разумеется, одобрял. Равенкловец следил за временем: успеем или нет? Гриффиндорец хихикал и давал дельные советы. В конце концов, пришлось строго сказать им: «Северусы, заткнитесь!», потому что мешали.

В обычных школах Хэллоуин не праздновали. В обычных школах вообще не праздновали ничего кроме Рождества и Пасхи, но Макномара решил, организовать педколлективу развлечение. Лучше бы придумал где-нибудь лишний выходной, честное слово.

Наконец, стали появляться дети. Снейп, услышав шаги возле своего кабинета, смылся в лаборантскую. Рассеянно допивая чай,

он листал зоологию беспозвоночных и слушал восторженные возгласы, доносившиеся из-за двери.

Определённо, восьмиклассникам было на что посмотреть. Они, разумеется, ожидали чего-то в стиле «хогвартских подземелий», и Северус великодушно не стал их разочаровывать. Тяжёлые чёрные шторы не пропускали ни лучика утреннего света. Под потолком висела сушёная гарпия. Возле доски стояла готовая к демонстрации таблица «Строение мандрагоры». За стёклами обоих шкафов виднелись колбы со странными ингредиентами. А в углу, возле учительского стола, негромко побулькивал на спиртовке котёл (трансфигурированный антуражу ради из всё той же безотказной кастрюльки; жаль, сложные зелья в нём не сваришь, технология изготовления не соблюдена), и над будущей перечной настойкой поднимался тёмно-красный дымок.

Со звонком Снейп вышел в класс, вызвав дружное «Ах!» у учеников. Чёрной тенью скользнул к столу: мрачный, с недовольно поджатыми губами. Мантия – раньше она была ему маловата и потому висела дома, всё руки не доходили выкинуть – эффектно взметнулась, приведя детей в восторг. Правда, волосы у Северуса оказались коротковаты для «канонической» причёски, пришлось чуть удлинить заклинанием. Двенадцатилеткам хватило.

- Здравствуйте, восьмой класс, – сказал он, скептически оглядывая детей. – Ну, кто сегодня удивил меня и сделал домашнее задание? Хм. Удручающее зрелище, хотя я и не ждал ничего другого. Что ж, пора навести порядок. Сейчас я раздам вам карточки с вопросами и чистые листы бумаги. За восемь минут вы должны дать письменный ответ. Полагаю, на то, чтобы написать «не знаю», как сделает большинство из вас, времени предостаточно. Вопросы элементарные, я рассчитываю хотя бы на две-три правильно выполненных работы, – Северус стремительно ходил по классу и раздавал задания. – И пожалуйста, мисс Смит, не идите по стопам мисс Грейнджер, не пытайтесь помочь всем рядом сидящим. Время пошло.

Пока дети корпели над летучкой, Снейп помешивал варево в котле и размышлял. Шутки ради он старательно воссоздавал образ Ужаса Подземельного, и только приложив усилия для этого, понял, как далеко от него ушёл. Раньше Северусу казалось, что в его манере преподавания не поменялось почти ничего; однако, он жестоко ошибся. Голос более раздражённый, выражение лица человека, который вместо супа обнаружил в кастрюле недельную плесень, движения слишком резкие. Снейп пытался вспомнить, почему всегда вёл себя именно так, и не мог. По привычке, да; но откуда она взялась?

- Мистер Фокерти, соблаговолите принести сюда учебник, лежащий у вас на коленях. Я сожалею, но мне придётся сообщить мистеру Пенски об интеллектуальном уровне некоторых его учеников. Вопрос, который достался вам, не сложнее задачи на счёт в пределах тридцати.

Джек Фокерти, чуть бледный, принёс книгу и положил на преподавательский стол. За два месяца он, как и его товарищи, усвоил, что прекословить себе дороже.

Когда мальчишка уже вернулся за парту, Северус подумал, что зря это сказал. Да, резкость была «в образе», но сейчас он мог назвать не менее пяти причин, по которым следовало выразиться иначе.

За первой партой пыхтел Фрэнк Мастерс, строчил с невероятной скоростью. Раньше этот мальчишка сидел сзади, но вот уже скоро месяц как перебрался вперёд. Недавно Северус упомянул его имя в учительской среди имён прочих старательных учеников; удивлению коллег не было предела. Снейпу наперебой стали рассказывать, какой Мастерс недотёпа, забывчивый и рассеянный, а зельевар не мог поверить, что они говорят об одном ребёнке. Теперь поверил. Увидел со всей ясностью; вспомнил: в начале сентября Фрэнк неуверенно держался, нерешительно подходил к учительскому столу за микроскопом, отвечал урок, чуть не заикаясь; потом впервые несмело поднял руку и просиял от похвалы. Тот, хогвартский Снейп тоже увидел бы растяпу и тупицу, и был бы у него ещё один Лонгботтом. Теперешний, риверсайдовский Северус знает, что вселить в ребёнка уверенность в своих силах просто.

- У вас осталось две минуты, поторапливайтесь, пожалуйста. Мистер Мастерс, используйте сокращения и постарайтесь ограничиться общей характеристикой. Вы пишете не диссертацию, а небольшую контрольную.

Времени на это задание Снейп действительно отвёл более чем достаточно, поэтому те, кто уже закончил, потянулись к его столу сдавать работы. Северус помешал зелье и задумчиво оглядел класс. Разумеется, Мастерс и Смит ещё пишут. Торопятся. Склонился над тетрадкой Мист – он всегда долго делает письменные задания, потому что медленно думает. Зато его чеканные формулировки можно в учебник вставлять. Пишет и Фокерти, время от времени нервно покусывая ручку. Да ну; не может Джек не ответить на вопрос об основных отличиях членистоногих от кольчатых червей. Снейп поднялся, прошёл в конец класса, достал из шкафа колбу с зелёным порошком, двинулся обратно; по дороге заглянул Фокерти через плечо.

- Молодой человек, будьте любезны более меня так не

разочаровывать, – от резкого голоса преподавателя, раздавшегося над самым ухом, мальчик вздрогнул. – Вы и так прекрасно всё знаете, зачем вам понадобилось искать подсказку в книге?

- Я…сэр… – Фокерти растерялся. Да, явно что-то не то с ним творится. – Я не был уверен…

- И зря, – резюмировал Снейп и прошествовал к столу. – Сдавайте работы, леди и джентльмены, ваше время вышло. Сегодня положено вас пугать, но мне эта традиция кажется донельзя глупой, поэтому мы продолжим изучать внутреннее строение насекомых. Нам, как вы, возможно, помните, остались пищеварительная и половая системы, и если повезёт, я расскажу вам немного о разных группах класса Insecta. Итак, записывайте тему урока…

Разумеется, дети зря расслабились. Таблицы, вывешенные на доску, были нарисованы вполне в духе Хэллоуина – мрачные и залитые кровищей.

- Прежде чем мы приступим, я попрошу вас назвать все ошибки, содержащиеся на этой таблице. Мисс Смит, вы, конечно, не такая невыносимая всезнайка, как мисс Грейнджер, но я всё же хотел бы послушать кого-то ещё. Да, мистер Мастерс, вас это тоже касается. Мисс Дейвен?

- У них сердце неправильно нарисовано. Сердце такой формы свойственно ракообразным, а не насекомым.

- Хорошо, что ещё?

Линда Дейвен заколебалась – она явно подняла руку, заметив лишь одно несоответствие – но быстро сообразила:

- На таблице отсутствует жировое тело. И две ошибки во внешнем строении: не изображены антенны и ног восемь, а не шесть. А, и вот ещё! На таблице кровеносная система замкнута.

- Отлично, мисс Дейвен. Кто дополнит? Мистер Фокерти, а вы что скажете?

Выражение лица мальчишки читалось легче лёгкого, никакой легилеменции не надо: он заметил несуразность, но опять не уверен в своей правоте. Медленно встаёт из-за парты.

- У этого… ну, жука…

Снейп молчит, с неудовольствием отмечая про себя, что раньше не стал бы ждать, пока ученик домямлит плохо сформулированную мысль.

- У него кровь красная. А должна быть бесцветная, это гемолимфа.

Оглушительная тишина в классе. Ошарашенные лица, на которых написано одно и то же: и как я, дурак, не догадался?

- Браво, мистер Фокерти. А теперь кто объяснит мне, почему сей очевидный момент остался незамеченным остальными

учениками? Да, мисс Смит?

- Потому что слишком очевидный, сэр. Эта кровь… её много, она фоном на таблице, и оттого не бросается в глаза. А мы смотрим… ну, не туда. По правде говоря, я ошибки во внешнем строении увидела, только когда Линда показала, потому что таблица озаглавлена «Внутреннее строение жука».

Класс молчит: он только что сделал открытие. Учебник по общей психологии, глава «Восприятие», страницы двести шестнадцать – двести двадцать один. Теперь эти дети будут обращать внимание на детали. Отлично.

- Что ж, сегодня вы меня радуете, восьмой класс. Итак, пищеварительная система насекомых. Смотрите сюда.

Затея провалилась с треском. «Хогвартский» Снейп для эффективного преподавания не годился абсолютно, и Северус безжалостно его изгнал. Остались антураж да подобранный заранее материал для уроков. Подробно разобрав пищеварительную и половую систему насекомых, Снейп заявил, что сегодня ученики славно поработали и заслужили право не записывать длинные латинские названия, а просто послушать. После чего с невозмутимым видом красочно рассказал кровавую историю про наездников, откладывающих яйца в живых гусениц других насекомых. С урока восьмиклассники уходили под впечатлением.

Седьмые классы получили богато проиллюстрированную лекцию о растениях-хищниках, девятые Северус осчастливил демонстрацией слайдов о заболеваниях эндокринной системы, а десятый насладился историей биологии в Средние века, узнав множество подробностей о хирургах, которые глухими ночами воровали трупы на кладбищах, и просветившись по поводу уродцев, выращиваемых компрачикосами по особым технологиям. Впрочем, психика у детей Заречья была крепкая, и к Хэллоуину они явно чего-то подобного и ожидали: ничего кроме восторга уроки не вызвали.

Зато Северус выяснил, что ещё способен удивляться.

На большом перерыве к нему зашёл Макномара. В традиционном шотландском наряде и с топором в руках. Топор, руки и традиционный шотландский наряд были заляпаны чем-то красным. Выглядел директор грозно.

- О, – уважительно сказал он, оглядывая кабинет. – Внушает. Долго готовили всю эту красоту?

- Да не очень, – честно ответил Снейп. – Биология – наука, в которой не надо далеко ходить, чтобы найти страшненькое.

Дверь приоткрылась, и в кабинет просунулась вихрастая башка.

- Мистер Снейп, а можно…

- Нельзя! – заявил Макномара. – Мистер Снейп занят.

Башка исчезла.

- А я не устаю себя хвалить, – директор широко улыбнулся, – за то, что пришёл тогда к вам. Вы – просто благословение Господне, Стивен. Я уже начал привыкать, что дети в коридорах разговаривают про хламидомонаду и обзываются спирохетами.

- Захвалите, Кевин, – Северус отодвинул стопку тетрадей и откинулся на стуле.

Дверь распахнулась.

- Мистер Снейп, а можно вам лабораторную…

- Брысь! – рявкнул Макномара. – Не видишь разве, мистер Снейп с директором разговаривает!

Дверь захлопнулась.

- Не захвалю, – как ни в чём не бывало продолжал толстяк в килте. – Я вот о чём подумал…

Кто-то ещё попытался вломиться в кабинет; директор зарычал и ловко запустил топором в косяк двери. Топор глубоко вошёл в деревяшку, дверь испуганно захлопнулась.

- Не боитесь? – лениво поинтересовался Снейп.

- Нет, – Макномара подошёл, вытащил топор. – Я умею обращаться с этой штукой. А моих оболтусов надо держать в форме. Пусть не привыкают, что директор у них толстый и безобидный. Так вот: вы не думали какие-то проекты наших обормотов послать в Манчестер? Ну, знаете, всякие мажорские школы обзывают это исследованиями и получают за них гранты от разных научных обществ.

- Хотите на мне заработать, господин директор? – ухмыльнулся Снейп.

- Ясное дело, хочу. А ещё хочу утереть нос Хаттону – это директор Риблсдейла. У него вот уже лет десять показатели лучше, чем у нас, и он при каждой встрече рассказывает мне, что Риверсайд вот-вот закроют. Неприятный тип.

Северус почему-то вспомнил, как сам злорадствовал, напоминая Минерве, сколько лет подряд Слизерин завоёвывает кубок школы.

- Господин директор, а вы не рано радуетесь? Возможно, следовало бы подождать результатов ежегодного экзамена, прежде чем петь мне дифирамбы?

- Мистер Снейп, я работаю директором этой Богом забытой школы девятый год. Конечно, мой педагогический стаж меньше вашего, но я ещё ни разу не видел, чтобы ребёнок, живо интересующийся предметом, сдал его плохо. И, откровенно говоря, я ещё ни разу не видел такого массового и стойкого

интереса к обучению.

- Стойкого? Два месяца прошло!

- Стивен, вы привыкли к элитной школе и одарённым детям. У нас интерес обычно держится неделю, от силы две. Потом обормоты сдуваются, а вскоре приходят в уныние и учителя, и всё заканчивается.

Снейп неопределённо пожал плечами.

- Хорошо, я посмотрю, что можно сделать.

- Вот и славно, – Макномара просиял, в очередной раз живо напомнив Северусу Дамблдора, и выкатился из кабинета.

Снейп левитировал тетради в лаборантскую и сам отправился туда же: пить чай. Ещё несколько раз забегали дети по всякой ерунде. Почти каждый считал своим долгом спросить, почему в таком великолепном, по-хэллоуиновски украшенном кабинете нет тыквы. Северус терпеливо объяснял, что не любит делать «как все» и что тыкв и без того слишком много, причём некоторые из них находятся на плечах учеников не только на Хэллоуин. Дети уходили, почему-то крайне довольные ответом.

Одним словом, День Всех Святых удался. Может, есть-таки от подобных глупых традиций какая-то польза?

Внезапно поглупевший Фокерти не шёл из головы. Северус даже прибегнул к запрещённому приёму и попытался объяснить себе, что это не его дело, а у мальчишки есть куча собственных нянек: классный руководитель, глава параллели, декан факультета… И ещё родители, да. Разумеется, объяснения не помогли. Если Северусу Снейпу взбредало в голову считать дело своим, то оно его и становилось вне зависимости от сопутствующих факторов. Поэтому во вторник, завидев спину Джека Фокерти в толпе детей, радостно пробирающихся к выходу из школы, зельевар приступил к осуществлению обычного в таких ситуациях плана: делать что-нибудь, а там как получится.

- Мистер Фокерти, можно вас на минуту?

Мальчишка нехотя подошёл. Седьмой класс уже почти полностью просочился на улицу, и настала очередь восьмого штурмовать двери школы. Теперь придётся пробираться с младшими, потому что старшие попросту оттолкнут от выхода. Наивный, подумал Северус. Жизнь не так проста и бесхитростна, как тебе представляется.

- Я хотел попросить вас мне помочь; кажется, вы живёте где-то недалеко от меня, в Ореховом, что ли?

- Да, сэр, Ореховый переулок, пятнадцать, – Джек тоскливо поглядел в сторону уже выбравшихся во двор одноклассников; их не было видно: в дверях образовалась пробка из двух десятых

классов.

- Видите ли, сегодня я осчастливлен пятью стопками тетрадей, которые надо проверить на завтра, и ещё тремя, которые в принципе подождут до послезавтра. Если вы поможете мне дотащить всё это изобилие до дома, я напою вас чаем. Идёт?

Парень глянул на учителя с подозрением. Посиделки с преподавателями здесь не были приняты; впрочем, где они приняты? Снейп вздохнул.

- Мне надо с вами побеседовать. И действительно не хочется тащить тяжёлую сумку в грустном одиночестве.

Джек обречённо вздохнул. Если учителю вздумалось с тобой поговорить – всё, кранты, отвертеться не удастся.

- Да, сэр, – в голосе мальчишки звучала плохо замаскированная мировая скорбь. – Только я надолго не могу, родители заругаются.

Ты мне будешь рассказывать, чуть не фыркнул Северус. Дома ты появишься часа через четыре, не раньше. Парни тебя ждут, в футбол играть. Ничего, подождут, никуда не денутся. Без мяча в футбол играть затруднительно, а мяч всегда приносит Джек Фокерти.

Выгоду, которую сулила просьба учителя, восьмиклассник оценил чуть позже. Когда они подошли к выходу из школы, и одиннадцатый класс шарахнулся от дверей, пропуская Снейпа.

- Итак, молодой человек, чего я от вас, собственно, хотел. Впрочем, вы и сами, наверное, всё поняли; не так ли?

- Вам не понравилось, что я пытался списать, сэр, – Джек шёл, рассматривая асфальт. Обсуждать собственное неумение незаметно передрать текст из учебника ему не хотелось.

- Не понравилось, – согласился Снейп. – Тем более в этом не было нужды. Я уже проверил работы; вы, как обычно, на высоте. Я не стану спрашивать, что стряслось, мне важно другое. Вы должны адекватно оценивать свои силы, мистер Фокерти. В частности этому должна научить вас школа. Раз вы настолько не уверены в себе, значит, мы что-то делаем не так. Я что-то делаю не так.

Спрашивать, какая беда случилась у парня, действительно не приходилось. Легилименции Снейп учился, можно сказать, по-гриффиндорски: читал старые книги, которые нашёл в библиотеке Малфоев. Тогда у Северуса не было денег на журналы или тем более свежую литературу, и достижения последних ста лет в этой области прошли мимо него. В том числе – впоследствии он не раз возблагодарил за подарок судьбу – некоторые новооткрытые ограничения. Например, считалось, что для сканирования сознания необходимо постоянно смотреть

объекту в глаза. Северус же – буквалист, как все слизеринцы – вычитал в «Ментальной магии»: «Установив глазной контакт, ты сможешь узнать, о чём думает человек». И сделал вывод: один раз пробормотать заклинание, глядя собеседнику в глаза, – и готово, контакт установлен. Теперь захотелось в сознание заглянуть – дёрни за верёвочку, оно и откроется.

Потом, позже, был удивлённый Дамблдор («Как-как ты это делаешь?»), был смеющийся Люциус («Никогда ещё не встречал человека, который так вывернуто понимал бы древние трактаты!»), было для себя самого неприятное сравнение с Мародёрами («Научились анимагии, поскольку проспали урок, где рассказывали, почему это невозможно»)… Были объяснения, что обычно легилименция работает совсем иначе. И пусть их: умение-то осталось. И применял его Северус, когда можно, а много чаще – когда нельзя.

Всё с ним, с глупым Фокерти, яснее ясного. Поругался с физиком, который заявил, что Джек только списать и способен, а сам даже на опыты не годится; накануне мать ругнула тупицей; девчонка высмеяла мелкую ошибку… Казалось бы, ерунда ерундой. А в растущем организме, представьте себе, какие-то шестерёнки зацепились друг за друга, и в подростковой системе ценностей мелочь раздулась до размеров глобальной проблемы. Взрослый человек перешагнул бы через это препятствие, не заметив, а подросток рыдает у осколков своего внутреннего мира. Ох, и что ж мне с тобой делать-то, герой?

- Да вы при чём, сэр? – буркнул мальчишка, чтобы только ответить.

- При том. Работаю плохо. Ну вот и мой дом; подожди, дверь открою.

Джек крутил головой – интересно же, как учителя живут. Северус хмыкнул. Вдвоём они в его гостиной помещались, но уже, скажем, пятерым там бы места не нашлось. Расположились на диване, раскладывали тетради по стопкам – восьмой класс отдельно от девятого, а седьмой вот на эту полочку. Весело забулькав, закипел чайник. Из одной тетрадки вывалилась любовная записка; Снейп изучил её и с серьёзным видом вложил в тетрадь адресата – кудрявенькой курносой блондинки, Хизер Дейвис. Фокерти хохотнул, начав читать давно проверенную работу кого-то из семиклассников.

- Надо же – хломудада! Нарочно и не придумаешь!

- И не говори. Ученики иногда такого навертят… Тебе сахару сколько?.. Причём когда ошибаются – это одно, а когда специально… Держи чашку. Вот, послушай, восьмиклассник, кстати, писал.

Снейп перебрал стопку, отыскал нужную тетрадь.

- Нашёл. «Я – дождевой червяк, фамилия у меня Lumbricus. Как и все дети, я хожу в школу, в класс Малощетинковые, учусь на факультете Кольчатых червей. Я прикольный чувак: у меня незамкнутая кровеносная система и непонятно, где зад, где перёд. Я так над родственниками придуриваюсь: если правильно свернуться, они долго будут искать мою голову. Главное – хорошо заныкать поясок, а то сразу отгадывают, ведь голова у меня с того конца, к которому поясок ближе…»

Фокерти уже смеялся в голос.

- И что вы ему поставили?

- «В» поставил, он ошибок наделал. Но читать было забавно. А ещё один начал работу с заявления, что разбирать строение кольчатых червей на примере дождевого червя неинтересно, банально и плоско, и разобрал его на примере пиявки. Самое смешное, что за урок успел всё написать – там же пришлось объяснять, чем пиявки непохожи на остальных кольчатых червей и почему.

- А что, сильно непохожи?

- Ну, давай подумаем…

Про пиявок думалось радостно; Джек тему помнил неплохо и быстро заглотил наживку. Начав с мозгового штурма, Северус постепенно сдавал инициативу мальчишке, и вскоре тот уже увлечённо сыпал предположениями. С пиявок разговор перешёл на внутренних паразитов, потом витиеватые ассоциативные цепочки увели собеседников совсем уж далеко… Через пару часов Снейп демонстративно «спохватился», мол, Джеку, наверное, пора домой; парень торопливо засобирался, чертыхаясь про себя. Что ж, начало положено…

Северус, привыкший к хогвартским «хорошим деткам», и не подозревал, чему именно так легкомысленно положил начало.

Впрочем, последствия его неосмотрительного поступка проявились не сразу. Сперва экс-зельевару, а ныне биологу пришлось ещё дальше отойти от образа консервативного волшебника старой закалки и освоить компьютер.

Он долго откладывал это глобальное начинание – прежде всего не был уверен, как электроника станет взаимодействовать с его магией. Но неумолимо надвигавшийся двадцать первый век уже всем объяснил, что желает стать веком информационных технологий, и в конце концов Северус понял: отвертеться не удастся. К тому же, он обещал Макномаре выяснить, где дают гранты, а на заборах Заречья объявления по этому поводу почему-то не вешали. В итоге компьютер поселился в бывшей родительской спальне – единственной комнате, где Снейп мог гарантированно оградить бедную машину от магии. В кухне он без заклинаний не обходился, в гостиной постоянно пользовался всякими «Accio газета», в спальне, едва проснувшись, сонно бормотал «Lumos»… Увы, привычка колдовать в любой ситуации была неискоренима, тем более благодаря Блейзу искоренять её не пришлось.

Опять Блейз. Он всё чаще возникал в воспоминаниях, старый друг, так хорошо умевший становиться то незаметным, то душой компании. Сколько им тогда стукнуло, двадцать пять? Да нет, меньше. Когда Северус решил освоить две палочки? В восемнадцать, кажется. Тогда-то Забини и сказал – небрежно так бросил – что может достать «чистую», нигде не зарегистрированную. Дескать, знает канал поставки самоделок от хороших мастеров. Снейп тогда и на секунду не усомнился, какой это канал – у юного Забини склонность к бизнесу, желательно незаконному, проявлялась с младых ногтей. И, разумеется, тут же попросил: «Достань». Подумав, добавил: «Парочку».

С тех пор в ящике его дома в Тупике и в рабочем столе в подземельях лежало по нелегальной палочке. Позже Блейз притащил ещё одну, заявив: «Посмотри, мне кажется, она как для тебя сделана». Северус пять лет таскал её в левом рукаве; не раз она спасала жизнь. Кто знает, может, тогда тоже…

Запасливость – великолепное качество. Теперь у него целых три палочки, и двумя из них можно пользоваться без риска быть замеченным. Обе буковые, одна с драконьими сердечными струнами, другая с волосом единорога, тринадцать и десять дюймов.

Его собственная, купленная в одиннадцать лет у

Олливандера, была невероятно дорогой для тогдашнего Северуса. У матери после этого приобретения денег практически не осталось; школьную мантию откопали в магазине подержанной одежды, а учебники ему и вовсе достались даром благодаря фонду поддержки малоимущих. Зато палочка получилась знатная: тёмный карпатский ильм и драконьи жилы, девять дюймов, класс «А» – самое то для слизеринца. У Люциуса оказалась такая же, только подлиннее. Дюймов тринадцать, кажется. Точно, тринадцать. Малфоя это забавляло: между ними четыре года разницы, между палочками – четыре дюйма.

Теперь палочка, самая короткая на курсе – выпендриться Снейпу удавалось даже не нарочно, – скромно лежала в дальнем ящике стола. Северус и не прикасался к своей красавице, боялся, что какой-нибудь маньяк в Министерстве маразмагии отслеживает пропавшие артефакты. Паранойя, конечно; но, в конце концов, он и жив-то благодаря паранойе. А также Слагхорну. И Блейзу.

Да ладно, если перечислять всех, благодаря кому он, несмотря ни на что, – до утра будет сидеть, пальцы загибать. А тетради кто проверит? Блейз?

Жалко; палочка, которая осталась в Хогвартсе, была удобнее: тёмный орех, единорог, десять с четвертью. Тринадцать дюймов для него многовато; по утрам Северус норовил заехать себе по носу, зажигая свет или раздёргивая шторы. Впрочем, спасибо и за это, дорогая судьба и старый добрый Забини.

Компьютер, кладезь современной мудрости, поведал Снейпу дивное. Оказывается, любая школа безо всякого исключения могла выставить участников на многоуровневые соревнования «для продвинутых»*, просто государственным школам об этом обычно забывали сообщить. А зачем? Тем лодырям, что там учатся, дай Бог обычное тестирование сдать, куда им с их рылом в калашный ряд… Северус почитал вопросы прошлых лет, хмыкнул и задумался.

Последствия, как обычно, пришлось расхлёбывать детям.

Снейп был коварен. Он проверял качество знаний своих учеников способом, который не подводил его на протяжении долгих лет. Один из немногих приёмов, не подвергшийся репрессиям вследствие изучения Северусом педагогики ввиду неизменной успешности. Заключался чудо-способ в том, что студенты получали россыпью вопросы разной сложности, но требующие ответов примерно одинакового объёма. Трудные задания маскировались под обычные, и вся эта каша вываливалась на детей во время контрольных; в условиях маггловской школы Снейп использовал ещё и устный опрос. Если

тема усвоена крепко, то сложные вопросы берутся так же хорошо, как простые. Особенно замечательно фокус работает именно в устной форме: стремительный обстрел класса вопросами не даёт задуматься, почему учитель спрашивает материал, прямо не прописанный в учебнике.

Теперь в качестве сложных использовались вычитанные Северусом задания для «продвинутых». Он, конечно, понимал, что сильно завышает планку, но не слишком расстраивался по этому поводу.

Дети не подвели. Метод работал как часы: услышав вопрос «высокого уровня», ученики на несколько секунд притихали, а потом руки поднимались. Часто отвечали неправильно, но за попытки думать Снейп хвалил, обсуждение продолжалось, и в конце концов загадку разгадывали. Особенно порадовали девятые классы. С этими ребятами было сложнее всего: в головах вечеринки и потасовки, один класс почти полностью негритянский, другой – наполовину арабский, в третий собрали латиносов, почти на каждой перемене драки… Таких трудно заставить учиться. Но, как оказалось, каверзные вопросы они любили и старались на них ответить с намного большим усердием, чем на простые. Странно, но особенно лёгким для них стал вопрос, на который согласно статистике «хорошие дети» дали меньше всего правильных ответов: почему у тех, у кого от рождения локтевая и лучевая кости предплечья поменялись местами, рука не двигается. Самым выразительным образом причину объяснил Мехмет Кадури: он долго стоял столбом, пытаясь сформулировать, потом махнул рукой и вышел к доске. Нарисовал две кости и образованное их верхушками полукружье сустава, сказал: «Правильная рука». На рисунке рядом поменял кости местами, полукруг превратился в горб, сказал: «Неправильная рука». Ткнул в первую схему: «Сустав нормальный, двигается». Ткнул во вторую: «Какой сустав, вах? Горбатых суставов не бывает! Не двигается». И сел на место.

Девятые классы заставили Снейпа задуматься особенно крепко. На «продвинутые» вопросы зачастую отвечали и те, кто плохо знал тему, но умел руководствоваться простой житейской логикой. И напротив, отличникам порой не хватало воображения и смелости, чтобы найти правильное решение. Списки учеников, которых Северус планировал отправить на соревнования, по результатам эксперимента корректировались очень сильно.

Впрочем, сами избранные о своём счастье пока не знали.

У Снейпа третью неделю подряд было прекрасное настроение. Он готовил пакость.

* - упоминающиеся соревнования аналогичны нашим школьным олимпиадам. Однако, во-первых, так не называются, а во-вторых, не повсеместны. Британцы, у которых мы выясняли этот вопрос, сначала хором говорили, что ничего подобного у них нет, что нам показалось крайне удивительным: ведь существуют международные олимпиады. Наконец нашлись комментаторы, которые вспомнили такие соревнования, однако заявили, что о них знают только в “крутых” школах и их победители не получают никаких бонусов (вроде поступления в вуз вне конкурса, как у нас). А вот грант школа, в которой много победителей, получить может.

Глава 4.

В жизни всегда есть место неожиданностям. На этот раз совершенно внезапно на Северуса обрушились рождественские каникулы.

Нет, нельзя сказать, будто он не догадывался, что скоро конец декабря. В конце концов, даты в журналах проставлял исправно. Но как-то не придавал им особого значения, готовя к воплощению свой коварный план. И вдруг – поздравляю, мистер Снейп, семестр мы закончили, можно порадоваться, выспаться и отдохнуть от мерзких физиономий наших любимых учеников. О, да что вы говорите, господин директор! Как мило…

Чем заняться, когда не надо ходить в школу, Северус решительно не представлял. Съездил в Манчестер, пополнил библиотеку. Совершил рейд по аптекам, накупил той мерзости, которую здесь приходилось использовать вместо ингредиентов. Наварил три ведра разных зелий. Прочёл все новые книги. Заскучал. Сходил в супермаркет, набрал продуктов. Приготовил пару ранее не опробованных блюд из старой кулинарной книги, принадлежавшей ещё его бабушке. Поискал в интернете новости, проверил, не перенесли ли сроки подачи заявок на соревнования. В который уже раз перечитал практическую педагогику и теорию воспитания. Сходил в банк, заплатил по счетам. Плюнул и твёрдо решил оставшееся от каникул время проваляться в постели с книжками.

Наутро после Рождества выпал снег. Белая пелена прикрыла грязь Тупика Прядильщиков и облагородила даже давно брошенные дома с зияющими провалами выбитых окон. Снейп взглянул на это великолепие и вздохнул: Рождество он привык проводить не здесь. И за год не успел отвыкнуть.

Люц уволок Северуса к себе в первые же его каникулы в Хогвартсе. Всё чин по чину, официальное письмо от отца,

исполненное вежливой заботы послание от матери, уточнявшей, нет ли у дорогого гостя пожеланий насчёт того, как ему обставить апартаменты… В Малфой-мэноре чернявого первокурсника приняли хорошо и немедленно зазвали на пасхальные. С тех пор Рождество в Уилтшире стало традицией, которую Северус не нарушал много лет. Сначала Абраксас с Гонорией, потом Люциус с Нарциссой неизменно слали ему пригласительное по всей форме, он в ноябре выкраивал выходные на портных… Сначала тихий праздник в тесном семейном кругу, с посиделками у ёлки, поздно вечером, потому что даже в Рождество декан Слизерина должен находиться в Хогвартсе, потом – пышный новогодний бал, собиравший цвет магического общества. Под конец каникул праздновали день рождения Северуса.

Больше так не будет.

Хмурый Снейп протопал на кухню, поставил чайник, сунулся в шкафчик… Первый рождественский подарок получите и распишитесь: любимый чай закончился. Вот ведь забегался с этим концом семестра! На холодильнике уже скоро неделю висит прижатая магнитом бумажка: «Купи чай, идиот!». Травы-то у него есть, но основа нужна. Ты гляди, какая штука; в Манчестер съездил, по аптекам походил, а про чай забыл напрочь. Наверное, именно потому, что записку эту дурацкую нацарапал себе в перерыве между проверкой тетрадей и составлением отчёта за полугодие. Северус вздохнул и пошёл одеваться. Без утренней чашки горячего напитка он не человек. Придётся всё бросать.

Странное дело, но идея выпить другого чаю, не самого любимого, даже в голову не пришла.

Сонный и злой, Северус нацепил свитер и пальто, обулся, раздражённо толкнул дверь… Она не поддавалась. Толкнул сильнее – тот же эффект, точнее, никакого эффекта.

- Да что за чертовщина! – пробормотал Снейп. – Allohomora!

Дверь дрогнула, но не открылась. Замело снегом? Так вроде его немного навалило…

Это было смешно и глупо, но пришлось вылезать в окно гостиной. Вполголоса ругаясь, Северус выбрался наружу, подошёл ко входу… Услышав проявление его эмоций, стая ворон с перепуганным карканьем улетела восвояси.

Перед дверью валялась груда коробок, коробочек, свёртков и мешочков. К некоторым из них добрые люди прикрепили поздравительные открытки, чтобы скудоумному учителю стало предельно ясно: это – рождественские подарки. Чуть в стороне, старательно замотанный в целлофан поверх коробки и зарытый в свежевыпавший снег, стоял торт.

Снейп вздохнул, беспомощно ругнулся и стал отгребать

пакеты от дверей.

Однако кое-какую пользу удалось извлечь и из этой идиотской ситуации: в первом же свёртке обнаружился чай. Именно такой обычно использовал для смесей Северус. Глазастые, чертенята…

Странное дело, но сердиться на мелких пакостников никак не выходило. Только было чуть обидно: столько подарков он не получал и в свои лучшие годы, когда учился в Хогвартсе.

Разбирать пакеты Снейп начал с некоторым скепсисом: ну что полезного может достать заречная шпана? Но гора упаковочной бумаги на полу увеличивалась, и скепсис испарялся, уступая место почти детской радости предвкушения: какие ещё сюрпризы придумали эти поганцы?

Чай; много чая. Кофе, дорогой, между прочим. Домашняя выпечка, заботливо упакованная, дабы не перемёрзла и не отсырела. Кофейник, отличный, надо будет в школу уволочь. Связка красиво засушенных змей, знакомым корявым почерком подписаны латинские названия. Несколько книг по биологии; хм, интересно, откуда узнали, что он искал? Надо бы выяснить… Набор настоящих глиняных пиал с припиской: «Для чая!». Интересно, за кого его принимает арабское население? За полного идиота? Но пиалы великолепные, так и хочется в них налить ароматного напитка… В этом месте Северус вспомнил, что всё ещё не выпил чаю, но с места не сдвинулся. Ну его, потом. Подарки надо распаковывать.

Сахарница в форме пузатой летучей мыши; явно ручная работа. Кто там из родителей этим промышляет? А, неважно. Тоже утащить в школу, а то Мерлин знает в чём сахар держит. Набор красивых ручек, синих, чёрных и красных. В дело. Снова книги. Столовый сервиз на двенадцать персон – ого! Опять ручная работа. Много тарелок, не очень больших, правда, на них нарисованы разные виды змей. Не повторяются, между прочим! И подписаны на латыни. Без ошибок! Вот это дети… Хогвартские бы так учились! Комплект кружек с бабочками – на сей раз купленных. Три ошибки в названиях (вот же ж модно сейчас латынь на посуду пихать!) заботливо поправлены маркерами.

Запонки. Рука дрогнула. Перед глазами встал интерьер родной пятой спальни, в ушах зазвучал звонкий голос одиннадцатилетнего мальчишки: «С Рождеством, Северус!». В чёрной бархатной коробочке – запонки. Не очень дорогие – его щепетильность по денежным вопросам уже успела войти в факультетские легенды – но красивые. Золото и чернь. Первый в жизни рождественский подарок. Они же не знали. Не могли знать. Просто, наверное, обратили внимание, что запонки у него

одни-единственные. Те самые.

Какое-то время Снейп сидел неподвижно. Потом решительно надорвал следующий свёрток.

Плотно набитые пакеты с курагой, кишмишем, сушёными финиками и вяленым инжиром. Таких в магазинах не купишь; видимо, арабы поделились посылками с исторической родины. Самовязаный свитер, разумеется, чёрный, с забавным рельефным рисунком. Плюшевое сердце-самоделка, только не стилизованное под карточную масть, а вполне себе биологически точное, человеческое, с торчащими во все стороны сосудами. Снова книги; самая увесистая – «Педагогические студии: как преподавать трудным подросткам?». На форзаце дарственная надпись: «С наилучшими пожеланиями от К-11 А*». Тонкая, но драгоценная «Энциклопедия новых видов, обнаруженных в Великобритании начиная с 1800 года» со старательно затёртым экслибрисом. Мерзавцы. Опять кофе. Без фабричной упаковки, просто в полотняном мешочке. Похоже, у кого-то из латиносов родичи в Бразилии. Отличный кофе, судя по запаху. Шикарный блокнот. Четвёртый том «Фауны Британии», тот, которого ему не хватало. Наверное, тоже спёрли где-нибудь, элементы криминальные, в продаже этой тяжеленной кипы богато разукрашенных книг давно нет, он случайно в букинистическом нашёл. Опять чай. Однако долго его покупать не придётся!

Наконец все подарки были распакованы и разложены по кучкам, бумагой и шпагатом старательно закидан весь пол, а у Северуса установилось праздничное настроение. Ещё около часа он аккуратно собирал в сумку то, что решил забрать в школу, и расставлял остальную добычу по местам. Чай и кофе отказались влезать в отведённый им шкафчик, пришлось наиболее герметично закрытые пачки убирать к травам.

Надо бы им тоже приятное сделать, бездельникам-энтузиастам? Снейп хмыкнул: вот после каникул и сделаем. Мало не покажется.

Всё же от своих планов Северус отказываться не стал: провёл остаток выходных, валяясь с книжкой, благо литературы ему надарили предостаточно. Много гулял, ещё больше спал, остальное время читал. Между делом отправил заявку на соревнования. Сначала хотел подождать, убедиться, что дети поедут, но, вынося мусор, состоящий почти полностью из бумаги, в которую были завёрнуты подарки, решил: никуда не денутся.

Утром девятого января накатило снова. Вспоминались друзья, дни рождения в Малфой-мэноре, такие разные – шумные и тихие, с пищащим Дракусиком, влетающим в спальню в шесть утра, с

Люциусом, гоняющим от его комнаты поздравителей до самого полудня, с посиделками узким кругом под негромкое бренчание гитары Родольфуса, с весёлыми квестами «найди все подарки, спрятанные в доме»… Здесь о том, что у учителя биологии дата на каникулах, не знал никто. Оно и к лучшему, конечно. Но так хотелось одного-единственного подарка в этот день: узнать, что дорогие люди живы и на свободе.

Северус гулял по парку, смотрел на голые ветки и вспоминал, как ходил тут в прошлом году. Тогда казалось, что жизнь вокруг него замерла и никогда больше не пойдёт с прежней скоростью. С тех пор всё изменилось, но сейчас он снова скатывался в то ощущение. Наверное, надо возвращаться домой, от греха…

Бум! Мяч врезался ему в ногу, упруго отскочил.

- Ой! Простите, мистер Снейп!

Миг – и его окружила детвора. Седьмой-восьмой класс, в основном все знакомые лица, но встречаются и чужие. Странно, неужели кто-то из Заречья ездит в школу на тот берег реки? Вот ведь нечего делать людям…

- Каникулы догуливаем, да? А чего ж тогда мяч бросили?

- Да мы не бросили, мы сейчас…

- Мы к вам…

- Мы соскучились, сэр!

- Вот тебе и раз. По учёбе соскучились?

- По вам!

Дети, разрумянившиеся от игры, страшно довольные встречей, только что за рукав его не дёргают.

- А можно, мы завтра пораньше придём? Просто посидим в кабинете; у нас первым уроком биология.

- Приходите на здоровье. Прихватите чашки, будем чай пить.

Мерлин знает, зачем он им это предложил. Но писк поднялся такой – Драко лопнул бы от зависти. Что им за радость с преподавателем чаи гонять?

- Ну, смотрите, кто забудет чашку, будет заваривать кипяток в ладонях.

Снейп прошёл дальше по дорожке, орава угнала играть, в парке снова стало тихо. Северус поправил шарф, поднял воротник – подул сильный ветер – и вдруг подумал: а ведь жизнь уже никогда не станет прежней. Открыв дверь Кевину Макномаре в тот, самый первый раз, он прошёл точку невозвращения.

И, кажется, это прекрасно.

С какой-то радости по дороге домой Северус свернул к магазинам, купил себе несколько новых рубашек и костюм. Подумав, заглянул к парикмахеру: гулять так гулять. В конце концов, в ближайшие полгода он сделает очень неплохую

экономию на чае и кофе.

Спать ночью было скучно. Снейп дочитал оставленную на сладкое книгу, подарок от К-11 А, и отправился на работу.

В кабинете он появился за два часа до начала уроков. Здесь, по крайней мере, всегда есть что делать. К приходу первых детей Северус написал три докладные записки разными датами о неисправном состоянии розетки, нашёл место принесённым из дому подаркам, подготовился к занятиям на сегодня и завтра и трижды вскипятил чайник. Чай почему-то каждый раз забывал выпить.

Наконец стал подтягиваться М-7 В. С чашками. Макномара, заглянувший к биологу минут за сорок до звонка, был, мягко говоря, удивлён: класс почти в полном составе сидел с чаем за партами, на партах и возле парт, обсуждая с учителем лекарственные растения родного края. Снейп хмыкнул про себя – мол, не только вам, господин директор, шокировать общественность, мы тоже кое на что способны. Директор нерешительно спросил про розетку и поурочное планирование на второй семестр, получил пачку бумаг и поспешно ретировался.

Как вскоре выяснилось, традиции в этом славном учебном заведении возникали практически моментально. И недели не прошло, а каждое утро класс, у которого первым уроком в расписании стояла биология, собирался раньше положенного времени – на чай и душеполезную беседу. Классы, лишённые радости утреннего общения со Снейпом, бурчали и норовили тоже между делом заскочить.

А потом Северус сделал это.

Разумеется, он подстраховался по всем статьям. Ни слова никому не говорил, пока не получил от организаторов школьных соревнований по биологии сообщение о регистрации своей заявки. Потом развесил объявления на входе в школу, на каждом этаже и на дверях собственного кабинета. Содержание объявлений было одинаковым и крайне таинственным: «Прошу явиться ко мне в кабинет 19-го января с 14:10 до 15:10 следующих учеников: (список). С.Снейп». Явившихся Северус весьма обыденным тоном проинформировал о том, что они отобраны для участия в очень важном для него, С.Снейпа, мероприятии, в связи с чем он просит их изыскать время для еженедельных с ним дополнительных занятий. А потом они съездят на соревнования по биологии, устраиваемые для школ их округа. Ничего страшного в этом нет, всё, что у них попытаются спросить, они знают, просто забавное приключение с поездкой в Манчестер. Берите с собой деньги на дорогу назад и развлечения там. Кто не сможет поехать, предупредите заранее, чтобы я успел

вас заменить.

Сначала они ничего не поняли. Потом задёргались. Порасспрашивали друзей и знакомых, те, разумеется, о таких соревнованиях не слыхали. Кто-то поискал в интернете и принёс в школу паническое известие, что «там только мажоры». Северусу попытались закатить пару истерик, каковые были немедленно пресечены честным признанием коварного учителя, что на вопросы с тех соревнований они вот уже пару месяцев спокойно отвечают на уроках и в контрольных работах. Тогда начали всерьёз готовиться. Утереть носы мажорам хотелось. Кто-то добрый повесил в кабинете биологии календарь «До соревнований осталось» и честно зачёркивал в нём дни. Северус подогревал обстановку, и к Дате подошли в боевом настроении. На уроках даже сдерживать приходилось. А тут ещё в десятом классе началась любимая тема, и Снейпу стало совсем жарко.

Иногда он чувствовал себя цирковым артистом. Не то канатоходцем, не то фокусником. Один неверный шаг, и свалишься вниз, прямо в пасти тиграм; перепутал реквизит – и вместо кролика вынул из шляпы месяц не кормленную змею. В десятых классах это ощущалось особенно остро. Тем более сейчас.

Влететь в класс со звонком. Окинуть детей привычным цепким взглядом. Тигры сидят смирно. Видимо, заинтересованы темой урока. Ну что, дрессировщик, научим их прыгать через обруч?

- Сегодня, как уже догадалась половина из вас и рассказала об этом второй половине, мы начнём заниматься вашим сексуальным образованием. Я понимаю, молодости свойственны преувеличения, посему большинство из вас считает себя половыми гигантами. Это пройдёт, причём даже не к старости.

- Ещё бы, - шёпот с задней парты. – С ним точно пройдёт. Мне брат рассказывал про червяков…

- Мистер Хьюз, проблемы общей зоологии попрошу обсудить на перемене. Так вот: моя задача, как учителя – проследить, чтобы к моменту, когда вы осознаете свою истинную сексуальную значимость для человечества, у вас не было пяти беременных подружек, причём двоих – в одном доме, позитивной реакции на сифилис и пары анализов, относительно которых светила медицины затруднятся сообщить диагноз. Иными словами, на этом уроке мы поговорим о средствах предохранения.

Смех в классе Северус привычно проигнорировал. Рассказывать подобные вещи детям Заречья оказалось намного легче, нежели родным слизеринцам. Вот уж кто понятия не имел о презервативах! Аристократические отпрыски древних семейств с детства настраивались продолжить род, а не препятствовать

зачатию. С другой стороны, предполагалось, что потомок появится в браке с достойной леди, а не вследствие торопливой возни с не в меру любопытной равенкловкой, ставящей очередной сумасшедший эксперимент. Парадокс, казалось, неразрешимый, но Северус справлялся.

- Для начала выясним, о каких средствах предохранения вам чисто случайно стало известно?

Мальчишки сходу назвали презерватив. Мисс Соледад Ромеро, носящая чересчур откровенное мини девица из латиноамериканского квартала, припомнила спираль. Пепе Медина, родом оттуда же, задумчиво сообщил: «Мать таблетки, кажись, специальные принимает…» - «Ага, - поддержал его чернокожий сосед по парте Тайрон Легг. – Я в аптеке видал, малышки с Буллз-стрит затариваются!». Снейп усмехнулся уголками губ: Буллз-стрит была известна как место, где без проблем можно снять красотку.

- Отлично, мистер Медина, мистер Легг. Ещё?

Тишина.

- Прискорбно, прискорбно. Впрочем, в вашем возрасте простительно. Что ж, записывайте: «Средства предохранения от беременности, или кон-тра-цеп-ти-вы, делятся на следующие группы»…

Вот и закончились смешки. Молодые люди крайне озадачены. Пишут, стараются.

- «Первое. Механические». Отсюда две стрелки: «женские» и «мужские». Для скорости можно проставить условные обозначения; все помнят, как выглядят щит Марса и зеркало Венеры?

Поднимает руку Френсис Крейг:

- Сэр, я забыла, что вниз, что вверх?

- Щит Марса вверх. И немного вбок.

- Спасибо, сэр.

- Ну, и зачем вы на меня смотрите? По одному примеру в каждую сторону можно написать и без моей помощи. Написали? Отлично, продолжаем с милыми дамами. Колпачки…

До конца урока сидели тихо, как никогда. Перечислив контрацептивы, записали основные характеристики, отметили плюсы и минусы использования. Кого-то из девочек замутило, когда Снейп описывал механизм действия спирали. Многие мальчики, слушая подробности, медленно бледнели. Ничего, дорогие мои; то ли ещё будет.

- Домашнее задание сегодня состоит из двух частей. Первое: оценить названные сегодня средства контрацепции с точки зрения эффективности при защите от венерических заболеваний. Второе:

сформулировать вопросы, связанные с сексуальной жизнью, на которые вы хотели бы получить ответы. Сдать перед следующим уроком мне на стол. Можно не подписываться, меня всего лишь интересует, на чём заострять внимание. Да, и ещё одно: учтите, что говорить начнём о серьёзных вещах. Сегодня были цветочки, ягодки впереди. Всем удачного дня и счастливой сексуальной жизни, урок окончен.

Зазвенел звонок. Десятый класс, растерянный и не до конца понимающий, с чего вдруг так быстро закончился урок, потянулся к выходу.

Смеяться по этому поводу они не смогут долго. По крайней мере, до конца изучения темы.

Разумеется, несколько ближайших дней десятые классы ходили взбудораженные. Делились предположениями, спорили, ругались. Историк сделал замечание паре таких спорщиков у себя на уроке и долго возмущался в учительской, – мол, кто может всерьёз задавать школьникам обсуждать подобные темы. Северус его разглагольствования проигнорировал, у него без подобных глупостей забот хватало. Макномара, конечно, без звука предоставил для поездки в Манчестер автобус, но проблема транспортировки казалась Снейпу совсем незначительной. Куда больше его волновало, что опыт участия в подобных соревнованиях нов как для учеников, так и для него самого. Он мог успокаивать детей только общими фразами, ему нечего было им подсказать. Это ощущение, непривычное зельевару, раздражало неимоверно.

Наконец «тот самый день» наступил. Рано утром – ещё шести не пробило – собрались во дворе школы и загрузились в автобус. Снейп ожидал увидеть сонных детей, зевающих и трущих глаза, но зареченские не подвели и тут: бодрые и весёлые, они со смехом расселись на кожаных сидениях и немедленно принялись травить анекдоты. Северус с интересом разглядывал их, обыкновенную шпану, у парней минимум пара приводов в участок, всерьёз собравшуюся противостоять приличным мальчикам и девочкам, три кружка и музыкальная школа. Он сам когда-то был таким и потому знал: противостоять можно. И выиграть противостояние – тоже. Снейп толком не понимал, почему, но гордился.

- А это что?

Из-под курток сидевших рядом с ним ребят торчали одинаковые зелёные ленточки.

- Это… – Вернон Касл развернулся на сидении, чтобы видеть учителя, – ну, нам сказали, мол, каждой школе полагается что-то

навроде командной формы. У Аннабель дядя в Манчестере работает, он зашёл и поинтересовался, надо ли туда чего, – Аннабель Смит, разумеется, тоже ехала с ними, и несколько её сестёр тоже. Сейчас Вернон изо всех сил старался ненарочно положить руку ей на плечо. – Костюмы мы не потянули, сделали так…

Северус потянул ленточку. На зелёной ткани – на ощупь похоже на искусственный шёлк – серебряный кант, а внизу серебристой же ниткой вышито: SS. Мерзавцы ничуть не смутились; напротив, во весь рот улыбающийся Фрэнк Мастерс довольно пояснил:

- Ну а что такого? Нас выбрал наш учитель, мистер Снейп. Значит, снейпятник мы и есть.

Пришлось постараться – по коже прошёл озноб, а нужно не вздрогнуть. Ну не могут они знать, неоткуда им, что профессор Флитвик, а вместе с ним некоторые друзья Северуса называли «снейпятником» Слизерин. Прошлое, давно мёртвое, упорно наступало на пятки и дышало в спину. Он представил на месте этих ребят своих слизеринцев; уверенных в себе, надменных, сдержанно улыбающихся. В сердце защемило; заволновались дети – наверное, он побледнел.

- Мистер Снейп, с вами всё хорошо?

- Да, мисс Смит, спасибо. Похоже, кофе перепил.

- Мы вас обидели, сэр? – внимательные чёрные глаза смотрят на него с участием. Чёрт, да что же это такое!

- Нет, мистер Мист, конечно, нет. Напротив, мне… забавно такое проявление внимания с вашей стороны.

Этого типа пришлось уговаривать ехать на соревнования дольше других. Иногда Мартин Мист напоминал Северусу Грега Гойла: думает долго, говорит мало, но на самом деле соображает, просто в рамках того, что ему важно. Положим, с интеллектом ему повезло больше, чем Грегу, но подход в целом тот же. Сделаешь важной лично для него биологию – и вот он уже наравне с мисс Смит пишет лучшие работы на параллели. Есть, конечно, и разница: Грегу вообще нельзя было давать думать. Правильное решение он обычно выдавал интуитивно, а если начинал рассуждать, то непременно ошибался. Мист же чем больше времени решал задачу, тем лучше выходило. Поэтому на соревнованиях, где вопросы письменные, а на ответы дают четыре часа, у него имелись великолепные шансы.

Да у всех у них были шансы. Мисс Смит чертовски умны и прекрасно запоминают материал, Касл сообразителен, у Кирби потрясающее логическое мышление, Фростхилл, кажется, только биологию и учит… Снейп вспомнил, как ругался, составляя

список избранных. Два человека с параллели, два, подумать только! Да у него больше толковых ребят, чем два с параллели! Пришлось даже не брать одну мисс Смит, из восьмого класса, Алису. Из-за этого дурацкого ограничения Риверсайд недополучит призовые места. Жадины они, организаторы.

Всю дорогу до Манчестера провели, рассказывая анекдоты и смешные истории из жизни. Про биологию даже не заикались, и Северуса это устраивало. Учиться надо было раньше, сейчас следует веселиться и поднимать боевой дух. До места добрались минут за двадцать до начала соревнований, но Снейп не беспокоился: шпанята из Заречья умеют не терять времени даром и не заблудятся в коридорах. Сам он отправился к остальным преподавателям, выяснять, как всё происходит и что ему делать дальше. По поводу дороги назад договорились просто: автобус будет ждать в три часа дня на парковке возле школы, где проходят соревнования. Кто добирается сам – тот добирается сам. Северус не сомневался: некоторые ребята, в первую очередь старшеклассники, захотят пошататься по Манчестеру.

Оказалось, без дела сидеть не придётся. Вначале Северус должен был следить за порядком в одном из кабинетов, где сидят дети, потом вместе с коллегами проверять работы. Распорядитель, глава методического отдела манчестерского департамента образования, отправил его присматривать за восьмиклассниками, чем Северус и занялся.

Для большинства учеников, очевидно, такие соревнования были не внове: дети вели себя спокойно, естественно, сидели тихо, опасаясь нарваться на замечание. Мист и Мастерс торчали за задней партой и работали, не поднимая головы. Легилименция подтвердила, что отвечают они правильно, и вообще присутствие родного учителя сказалось на них умиротворяюще. Общаться эти паскудники не пытались, не до того. Мист ещё думает, чёркая короткие замечания на черновике, а Мастерс уже строчит. Снейп хмыкнул. И сомневаться не приходится: Фрэнк сдаст работу последним, и будет она почти на всю тетрадь. Ох, кому-то же это потом проверять…

Вопросы, по мнению Северуса, восьмому классу попались дурацкие, например, «Какие насекомые носят такие же названия, как и млекопитающие?». И по баллу за каждый правильный ответ, экая неоправданная щедрость! Ну что ж, вы сами нарвались, господа организаторы. Или «Можно ли пересылать икринки в почтовом конверте и затем выводить из них мальков?». Кто ж не напишет эдакую элементарщину? Одним словом, Северус окончательно убедился в том, как правильно сделал, привезя сюда своих оболтусов. Задания не сложнее примеров по таблице

умножения; уж такую-то работу они выполнят не хуже умников из частных школ.

К часу дня в кабинете осталось всего пятеро детей: Мист, с невозмутимым видом неторопливо и старательно вырисовывавший буквы, раскрасневшийся Мастерс, в тетради которого пока оставалась девственно чистой пара страниц, и трое девочек, нервно поглядывающих на Снейпа – не погонит ли? – и быстренько дописывающих ответы на последний вопрос. Вот и отлично, подумал Северус, раньше закончим – раньше проверять сядем. Глядишь, засветло домой вернусь.

Отчего-то смотреть на зелёные ленточки, украшающие руки охламонов из Риверсайда, было приятно.

Наконец, Фрэнк дописал; Мартин тормознул его, уже пытавшегося встать, придержал за рукав – мол, посиди минуту, я закончу, вместе пойдём. Сдала работу одна из девочек. Две оставшиеся торопились; они сидели в разных концах кабинета, но думали практически в унисон: вспоминали прошлый год, тогда учитель потребовал выметаться в час дня, дескать, нечего тут рассиживаться, а то нам до ночи читать придётся. Встали Фрэнк и Мартин, неторопливо собрались, подошли к преподавательскому столу, положили работы в общую стопку и задержались поболтать. Между прочим спросили, когда будут результаты; Снейп лучезарно улыбнулся и мило сообщил: «Как только – так сразу». Мальчики хмыкнули и вразвалочку потопали гулять по Манчестеру. Через пару минут выпорхнули и последние девочки, и Северус отправился в учительскую.

Там собрались почти все преподаватели и закипел чайник. Снейп отдал кипу тетрадок тем, кто начал проверку восьмых классов, и с удовольствием присоединился к чаепитию. Группки, читающие работы, уже сформировались, и явившиеся позже, отдохнув, подходили к какой-нибудь из них, поэтому Северус не торопился: срочных дел не было. Некоторое время он сидел молча, вслушиваясь в разговоры коллег. В основном делились перлами, вычитанными в работах, вспоминали похожие жемчужины словесности из своей практики… Наконец, Северус покончил с чаем и негромко спросил:

- Кому помочь?

Естественно, профессиональные педагоги и в галдеже прекрасно услышали ключевые слова, и дружное «Нам!» прозвучало с трёх сторон.

- Ладно, – сказал Снейп, поднимаясь, – значит, сначала вам, потом вам, а на закуску вам.

- О, – радостно отозвался румяный толстяк, гибрид жизнерадостного Макномары и лохматого Хагрида, – нашего

полку проверяющих десять работ за десять секунд прибыло!

Северус и сам в своё время удивлялся, как выходит, что одни опытные преподаватели осиливают стопку пергаментов за полчаса, а другие, не менее опытные, тратят на такую же стопку весь вечер. Теперь, начитавшись психологии, он знал: это индивидуально и от квалификации не зависит, на чём вопрос для себя закрыл. На сегодня в списке удивительного у него были совсем другие вещи. Например, зачем учителям биологии, проверяющим работы межшкольных соревнований, нужны ответы на вопросы. Тем более на вопросы вроде того, который шёл первым у седьмых классов: «Как известно, задачи “на исключение” (они же “кто в списке лишний”), требующие обнаружить в списке объект, по некоему признаку отличающийся от всех остальных, не имеют однозначного решения. Так, например, из набора шар-куб-треугольник можно исключить треугольник как единственную плоскую фигуру, а можно – шар как единственный, не имеющий углов. Из приведённого ниже списка при желании может быть исключён любой из упоминаемых в нём организмов. Попробуйте обосновать “исключительность” каждого из них (напишите, в чём каждый организм - единственный из списка): росянка, лось, выдра, собака, рыжая вечерница». Вот проверять ответы на подобное задание интересно: дети иногда настолько удивительные критерии для сравнения находят – взрослому человеку они и в голову бы не пришли.

Работы на соревнованиях шифровались, чтобы проверяющие не подсуживали своим, но почерк Аманды Смит Снейп узнал сразу, а Теда Блэкстоуна невозможно было спутать ни с кем. Только он сподобился начать объяснения по поводу того, «почему деревья не растут до неба», словами «дурацкий вопрос». Зареченскими охламонами Северус был доволен: написали детишки хорошо и подробно, и можно со спокойной душой выставить им высокий балл, не забыв, впрочем, учесть пару ошибок. Вот работы некоторых других учеников ввергли его в недоумение. Какой смысл приезжать на соревнования, если ты ничего не знаешь? Выставляя один за другим нули, Снейп пробормотал:

- Тупицы – хорошие люди, их тупость помогает быстрее проверить тетради…

Рядом громко расхохотался жизнерадостный толстяк.

- Да, – сказал он, отсмеявшись, – я их тоже за это люблю. А подскажите-ка мне, любезные коллеги, я не пойму. Тут в одной работе настолько гладко всё написано, что берёт меня подозрение, не лежал ли на коленях у писавшего какой-нибудь

умный учебник. Только я текст опознать не в силах, может, вы сможете?

Северус встрепенулся уже на третьей зачитанной фразе.

- Господа и дамы, это мой! Точно мой, вырастет – будет учебники составлять. Нет, он не списывает, он просто перфекционист. По полчаса над ответом думает, изобретает формулировку почётче; сегодня тоже долго сидел, одним из последних сдался.

- Точно ваш? – толстяк потянулся за лежавшими отдельно обложками тетрадок. Их собрали в самом начале, проставив на каждой тот же шифр, что на первой странице работы.

- Точно, стиль узнаваемый. Мартин Мист его зовут.

Снейп продолжал выставлять баллы в тетрадях, но странный взгляд толстяка заметил. Чуть улыбнулся уголками губ: весельчак (он, как подсказала легилименция, работал в одной из манчестерских гимназий) прочёл на обложке, что Снейп из государственной школы.

- В таком случае, коллега, поздравляю. Работа отличная.

- Спасибо, я знаю. Мартин хорошо пишет. Ну вот, с седьмыми классами покончено, и теперь мы идём к вам.

- А мы, уж не обессудьте, сначала попьём чаю, – отозвалась крашеная в блондинку респектабельная дама, которая проверяла работы вместе с Северусом. – И потом поможем десятым, правда, Ребекка?

Полная старуха с удивительно ясными глазами кивнула и поднялась с места.

Вскоре милая тихая девочка, недавняя выпускница колледжа, поставила рядом со Снейпом дымящуюся чашку и положила шоколадку.

- Передохнули бы вы, что ли?

- Спасибо, – пробормотал Северус, переворачивая страницу, – я не устал ещё.

- А у меня уже буквы перед глазами расплываются, – она присела рядом.

- Это с непривычки. Поработаете пару лет – будете как я, – Северус открыл следующую тетрадь.

- Надеюсь, – вздохнула девушка и протянула руку: – Тина.

- Стивен, – сказал он, даже во время рукопожатия не отрывая глаз от строчек. – Вы не обижаетесь, надеюсь, что я не на вас смотрю?

- Нет, конечно! Я же вижу, что вы заняты. Я восхищаюсь. Научите меня так же быстро тетрадки проверять.

- Увы, это невозможно. Только с опытом. Зато само, – Северус отхлебнул чай. – Что вы тут пьёте, Хэйлис? Надо мне будет в

следующий раз своего привезти…

- У вас какой-то особенный?

- С травяными добавками. Травы сам сушу. Коллегам нравится. Мадам, передайте, пожалуйста, ещё тетрадей, у вас много есть. Спасибо.

- Ну, вот, посидела с вами, и легче стало, – Тина с улыбкой поднялась. – Спасибо, что позволили мне вам помешать. Пойду дальше проверять.

- Всегда пожалуйста, обращайтесь ещё. Да вы мне и не мешаете. Хм, а это что?

Из тетради, открытой Северусом, вывалился листок, на котором красными чернилами было написано краткое решение задачи по молекулярной биологии.

- Вот так сюрприз, – протянула милая дама в очках, та, что передала Снейпу работы. Сама она проверяла медленно и придирчиво, надолго задумываясь над некоторыми пассажами. – Похоже, подсказка, леди и джентльмены.

- В целом написано хорошо, – сказал Северус, пролистывая страницы. – Что делать будем, коллеги?

- Ну как что делать, – невозмутимо отозвался начальник методического отдела; он сидел во главе стола и заполнял протокол по уже расшифрованным тетрадям одиннадцатилеток. – Подсчитать, сколько баллов набрал преподаватель, и поздравить его с этим. Призового места работа не получит, разумеется. Отложите её, пожалуйста, в сторонку, когда закончите, ладно? Леди и джентльмены, кто проверял семиклассников, будьте любезны расписаться.

Снейп подошёл, пропустив вперёд рыженькую девочку и респектабельную даму. Ставя подпись, кинул взгляд на фамилии учеников и удовлетворённо кивнул. Мисс Смит заняла второе место, Блэкстоун – третье. Вполне, вполне. Для первого раза.

* - в британских школах ученики, как и в Хогвартсе, делятся на “факультеты”. Обычно детей слишком много, и, скажем, на восьмой параллели на одном факультете 2 класса. Они “маркируются” следующим образом: первая буква факультета/ номер параллели A или B. То есть, если перенести этот принцип на Хогвартс, Гарри на первом курсе учился в группе G/1 A.

Глава 5.

Вернуться домой засветло не удалось. Сначала проверяли работы, потом накрыли на стол… Зато теперь он узнал, как утешить горемычную Алису Смит, не поехавшую на соревнования

из-за дурацкого ограничения. Добрые люди подсказали. И ещё Снейпу очень хотелось посмотреть на лица некоторых учеников.

На следующее утро там, где в своё время висели списки Избранных, появились новые объявления. В них было написано: «Мы поздравляем победителей соревнований округа по биологии». И ниже – список занявших призовые места по классам.

Макномара материализовался в кабинете Снейпа в восемь часов одну минуту. Тот ещё чай не допил.

- Стивен! Это ведь правда не шутки?

- И вам доброе утро, господин директор. Отлично выглядите, только шарф из кармана свешивается и по полу волочится. Чаю хотите?

- Стивен!!

- Кевин, я не склонен к подобным идиотским розыгрышам, с чувством юмора у меня всё в порядке. Там были несложные вопросы. И потом, вторых и третьих мест присуждали штук по десять. На каждой параллели.

- Знаете, Стивен… Вы…

- Вам точно надо налить чаю, господин директор, – Северус поднялся и достал ещё одну чашку.

- Мистер Снейп! Вы зажрались со своим элитным колледжем!

- В каком смысле, сэр? – бровь Северуса поползла вверх.

- В самом что ни на есть прямом! Вы привыкли к приличным детям, которые всегда всё знают и выигрывают любые соревнования. А у нас тут победители только в номинации «Наибольшее количество приводов в участок».

- Кевин, да с чего вы взяли, что приличные дети всегда всё знают? Балбесы как балбесы. Ничем не лучше ваших, только воображают о себе слишком много. Вы меня простите, но дело не в этом. Просто надо лучше работать. Присаживайтесь, выпейте чаю, вот печенье…

Хлопнула входная дверь.

- Мистер Снейп! Правда, что ли?

- Доброе утро, мистер Лернер. Если вы об объявлении на дверях моего кабинета – да, правда. Чай будете? Тогда идите сюда.

Герберт Лернер влетел в лаборантскую, забыв бросить сумку на парту.

- Там Агнесс плачет. На первом этаже.

- Тоже не верит?

- Ага. Остальные девчонки её успокаивают, а то и сами бы ревели. Я схожу к ним, ладно?

- Идите, конечно. И приводите сюда, раз они такие слабонервные, я им чаю налью. Нечего на первом этаже сырость

разводить.

- Они у вас… часто так собираются? С чаем? – спросил Макномара, когда Лернер убежал.

- Да практически каждый день. Вы берите печенье, а то сейчас набегут эти тараканы, и вмиг ничего не останется.

Директор машинально засунул печенюшку в рот.

О спокойном утре Снейп и не мечтал, но тридцать человек, набившиеся к нему в кабинет в десять минут девятого, превышали самые смелые его ожидания. Кроме семи мисс Смит и половины К-11 А класса, собственно, явившегося на урок, прибежали остальные призёры (из двенадцати поехавших их было девять человек) и некоторое количество их друзей. Снейпа пытались качать, но он строго пресёк эти поползновения. Сияющий Макномара выкатился из лаборантской и торжественно поздравил всех девятерых, после чего с лукавым прищуром посмотрел на мисс Смит и сказал:

- А вас, Анна, Алиса и Абигайль, ждёт математика, учтите!

- Кстати, мисс Алиса, я хочу с вами поговорить, зайдите, пожалуйста, в лаборантскую. Фрэнк, Мартин, Агнесс, Августа и Сэм, вас я попрошу туда же, – Снейп закрыл дверь, отгораживаясь от победного гвалта. – Во-первых, леди и джентльмены, вы заняли высокие места, а это значит, что через полтора месяца мы с вами снова посетим Манчестер; на сей раз нам предстоит соревноваться с лучшими школами графства. Вы, мисс Алиса, тоже готовьтесь, так как теоретически – я выяснял – на графство может поехать любой желающий вне зависимости от занятого места. Просто слабые ученики не хотят позориться, но вы-то к ним не относитесь. Вопросы ожидаются посложнее, но не настолько, чтобы вы не справились. А теперь идите на уроки, а то опоздаете.

Вымелись без звука. По всей видимости, от изумления. А Северус отправился излагать одиннадцатому классу основы эволюционной теории.

Разумеется, эпохальное событие не осталось без последствий. Ещё несколько дней школа бурлила, говоря только о том, как «мы натянули манчестерских мажоров по самые уши». К Снейпу подошло человек десять, интересовались, можно ли им тоже поехать на куда-нибудь на соревнования и что для этого надо делать. В учительской на него смотрели со смесью зависти и восхищения и шептались за спиной. Домой он возвращался поздно: постоянно занимался с кем-то из Избранных после уроков. А в субботу семиклассники предприняли вылазку.

Северус растерянно смотрел в пустой холодильник, размышляя, как бы извернуться и не ходить в магазин, когда

услышал звонок. Удивлённо открыв дверь, он обнаружил мнущуюся на крыльце стайку детей. Впереди стоял перепуганный Джим Редхилл с тортом в руках.

- Здравствуйте, сэр, извините, пожалуйста, за беспокойство, но у нас тут возникли проблемы с домашним заданием, сами не справляемся, вы не откажетесь нам помочь? – речь, по всей видимости, была заучена заранее.

Потрясающе.

И что с этим делать?

- Ну, проходите, – Северус посторонился, пропуская учеников в гостиную. – Сейчас я чай поставлю, раздевайтесь пока.

Вот когда пошли в дело и пиалы, и кружки с бабочками. Чайных ложек не хватило, но Северус не смутился. Просто, внося в комнату первый поднос (все чашки на него не поместились, конечно), жизнерадостно спросил:

- Кто пьёт чай без сахара?

Дисциплинированно поднялось несколько рук.

- Отлично; разбирайте. Сейчас я принесу сахарницу и ложки, положите себе сами, кому надо. С подноса чашки поснимайте, пожалуйста, я его заберу на кухню.

Дети смущались, но пить чай со Снейпом они уже привыкли и понемногу расслаблялись. Северус нарезал принесённый ими торт – к месту пришлись и тарелочки со змеями – и выставил печенье, которое планировал забрать в школу.

- Ну, – сказал он, усаживаясь в кресло – добрые дети его предусмотрительно не заняли, – что там у вас не получилось?

Биологические разговоры за чаем тоже давно стали делом привычным, и гости быстро забыли о стеснении. Скоро беседа шла полным ходом. Поразительно, но четырнадцать человек поместились в крохотной гостиной Снейпа, правда, некоторые сидели на ковре у камина.

Чуть позже, провожая семиклассников, Северус вдруг со всей ясностью понял, что визит был далеко не последним, и теперь выходные он тоже обречён проводить в компании школьников.

Почему-то его это абсолютно не расстроило.

Дальнейшие события развивались по вполне предсказуемому сценарию. Биологи лучших школ графства с презрительным снисхождением отнеслись к «выскочке», у которого «пара детей случайно взяла места», что не помешало Риверсайду повторить успех; и вот тогда началось. Во-первых, к Северусу раз пять приезжали прямо в школу предлагать «учебное заведение получше». А во-вторых, Макномару обложили проверками. Правда, кругленький директор посмеивался, говорил: «Риблсдейл

чудит» да похрустывал печеньем в лаборантской у Снейпа. Но вскоре позвонил Фезерти – хагридоподобный толстяк из Манчестера – и спросил, что у них там творится.

- Творится? – переспросил Северус.

- Ну да. Похоже, на тебя ополчились в департаменте образования.

- Ума не приложу. Ничего я им не делал, я там даже не знаю никого.

- А не насолил случайно кому-то из влиятельных?

- Сайрус, я из своего Литл-Бери не вылезаю. Разве что местные могут злиться, мол, на соревнованиях их обошёл, но с чего бы: соревнования – не ежегодные тесты.

Фезерти помолчал. Потом задумчиво сказал:

- А знаешь, пожалуй, это действительно местные. У директора вашей гимназии в департаменте дядька, что ли, работает… А Риверсайду твоему грант выписывают за непостижимое количество занятых мест. В округе по девять призёров больше ни у кого нет.

Снейп фыркнул.

- Чего ж так плохо учите?

- Стивен, побойся Бога! Нам к тестам своих надо готовить, а не особенности биологии красных водорослей рассказывать. Ты не обижайся, но если кто-нибудь из твоих тест не напишет, наверху пожмут плечами и ничего не скажут. А меня за такое уволят. Поэтому я вместо объяснения механизма приспособленности заставляю их зазубривать число охраняемых видов в различных заповедниках.

- Ну что тебе сказать. Значит, грядёт эра государственных школ, выпускники которых не получат приемлемых оценок на тестах, но зато станут двигать науку. Теперь бы как-то объяснить этому типу из гимназии, что при таком раскладе я ему не конкурент…

- Добрый ты человек, Стивен. Душевный.

- Просто я правду говорю, Сайрус.

- А нам что делать?

- Выбирать. Гимназия, но шаг вправо, шаг влево приравнивается к побегу – или как я. Есть ещё третий вариант, но он не для людей, а для отбойных молотков: пытаться что-то менять.

- Тебя послушать, так давно пора заворачиваться в саван и неторопливо ползти в сторону кладбища.

- И то верно. Ты меня не слушай, я пессимист известный. Лучше объясни наивному человеку дивное. Почему на графство я могу, если хочу, привести сотню балбесов, а на округ – по два с

параллели?

В телефоне засмеялись.

- Ох, Стивен, сам себе могилу копаю. Я ж тебе расскажу, и в следующем году все места будут ваши. Ну да ладно, для хорошего человека ничего не жалко; слушай. На самом деле ты и на округ можешь сотню привести, просто просят не больше двоих с параллели, чтобы не проверять работы до посинения.

- Я идиот.

- Нет, ты неопытный просто. Это ж у тебя первые соревнования были, верно?

- Первые. Но тем не менее я идиот. Можно подумать, новичок в системе образования. А что касается проверок… Мой директор говорит: пусть проверяют. С пожарниками у него отношения давние и тёплые, столовая всегда в порядке, а тех умников, которых интересует качество обучения, он всё равно ко мне посылает, гад пузатый.

Фезерти посмеялся и распрощался. Сдружились они на втором этапе соревнований: у толстяка на графство прошло двое. Снейп ему понравился наглостью – он оказался единственным, кто привёл не только призёров – и ехидством. Хорошую шутку Фезерти любил и считал, что шутки у этого выскочки хорошие. Что ж, друзья в Манчестере полезны. В особенности если теперь на Макномару ополчился не только Риблсдейл.

Сам усатый директор к новости отнёсся философски: в любом случае их не закроют, раз они гранты получать начали, а всё остальное можно пережить. Спросил, планирует ли Снейп ещё какие-нибудь подвиги. Тот пожал плечами, перечислил мероприятия (информацией поделился Фезерти) и обрадовал своего нового дамблдора заявлением, что научные исследования на уровне, которые предлагает Манчестерский центр внешкольного образования, его ученикам вполне по зубам. Макномара покивал довольно, и на том разошлись.

Весна прошла, как в дурдоме. Для слабонервных подготовка к внешнему тестированию под аккомпанемент нескончаемых проверок явно не годилась; мисс Саракис Северус отпаивал у себя в лаборантской валерьянкой и даже для Норрисона заваривал пустырник. За успокоительным чаем к биологу бегало полшколы, даже железная француженка. Но учебный год завершился победой. Показатели школы, высчитываемые по результатам тестов, впервые за несколько лет сдвинулись с мёртвой точки в сторону улучшения, причём не только по естествознанию. Сложно сказать, какое обстоятельство имело большее значение: возмущение учителей, считавших своим долгом доказать, что новичок Снейп просто не может учить детей лучше, чем они,

проработавшие здесь столько лет, или энтузиазм самих учеников, которые вдруг поняли, что способны достигнуть хороших результатов. Но разговоры о закрытии школы действительно прекратились, более того, департамент образования выделил деньги на закупку методических пособий. В школе эту новость встретили ликованием, Макномара даже организовал небольшую пирушку.

На фоне всеобщего воодушевления Северус особенно остро ощущал гнетущую тоску. Занять приближающееся лето ему было решительно нечем.

Поскучаешь тут с этими магглами, Мерлина им не только в печёнку, но и куда попало!

Нет, нельзя сказать, что лето началось нетрадиционно. Как раз вполне в духе традиций Риверсайда, в начале июня заявился Макномара. Северус ухмыльнулся, провёл директора в гостиную, заварил чаю.

- И куда вы пригласите меня поработать на сей раз, Кевин?

- Я приглашаю вас остаться, - буркнул директор и жестом заправского фокусника вытащил из-за пазухи пачку запечатанных конвертов. Мелькнул герб Риблсдейла, выведенное золотом «Манчестерская…» – Это всё вам, Стивен, и я не могу их не передать.

- О, Боже мой, - поморщился Северус. Кольнуло где-то в глубине неопознанного органа, условно называемого «душа»: вот он и перестал поминать Мерлина через слово. Совсем естественно получается, без запинки.

- Кевин, умоляю, кидайте всё в камин. Я не заинтересован в другой работе, а вечером похолодает, на растопку этот мусор сгодится. И берите чай, вот, с мелиссой, как вы любите. Кексы, печенье, торт?

- Богато живёте, - рассмеялся директор, придвигая к себе блюдце с аккуратно нарезанным кексом. Стоило шуршащим, разноцветным конвертам отправиться в пасть камина, Макномара заметно повеселел. Северус подумал, что разведёт огонь ещё до ухода толстяка – пускай тот совсем успокоится.

- Дети забегают. И летом тоже. А сколько получает учитель, я им объяснил. Чаю, мол, налью, а остальное – с собой. Вот и обеспечивают.

Шотландец расхохотался.

- Кстати, о зарплате. Я вам её повышаю. Ненамного, сами понимаете, но всё же…

Северус шутливо раскланялся.

- Ненамного, Кевин – это на конкретную сумму больше, чем

было раньше. Главное, что не понижаете, а остальное я уж как-нибудь переживу.

Вечер прошёл неплохо. А через неделю наглые просители, они же – потенциальные работодатели, впервые заявились к Снейпу домой. Вначале нанёс визит чопорный директор Королевской гимназии Литл-Бери, свято уверенный в коварстве Макномары – ведь получив письмо, мистер Как-там-бишь-его просто обязан был со всех ног кинуться менять учебное заведение! Если же он до сих пор торчит дома, значит, послание не нашло адресата. Ничего, мы окажем глупому мистеру Снельпу (или как там бишь его?) честь, озвучив сие заманчивое предложение лично. Вылетел господин директор из дома Северуса, словно пробка из тёплого шампанского – и с чего бы? Снейп даже не язвил сильнее обычного…

Чуть позже возник представитель попечительского совета Риблсдейла – нервный клерк, почти сумевший составить неуступчивому профессору конкуренцию по части носатости. Следующий посетитель громко возмущался, что проделал дальний путь – аж из самого Манчестера. За ним прибыл ещё один – из частного лицея в соседнем городке…

Однажды трое директоров встретились перед запертой дверью, и Снейп с удовольствием обогатил свой лексикон. Огорчительно, конечно, слушать, как учёные люди ругаются, будто последние пьянчужки возле единственной оставшейся бутылки, зато сколько экспрессии! сколько эмоций! Победил чернокожий представитель естественнонаучного лицея, но Северус из вредности не открыл и ему. Зато потом сделал строгое внушение Педро Рохасу и одному из братьев Гонсалесов, которые подбадривали кого-то из спорщиков весьма неприличными фразами и жестами. Между прочим, там даже делали ставки. Победил Тайрон Легг, избравший фаворитом собрата-негра. «Да я сразу понял, братишки, он не подведёт!» Северус строго покачал головой и притворно обиделся – мол, на него и не ставил никто… «А зачем? – сделал круглые глаза Пепе Медина. – Все ведь понимают, кто чемпион. А пари было насчёт второго места!» Профессор махнул рукой и отправил на плиту чайник – благо, плюшки Тайрон приволок с собой.

В двадцатых числах июня визит нанесла миссис Смит. Многодетная мать оказалась застенчивой женщиной невысокого роста, с аккуратно собранными в хвост тёмно-русыми волосами, опять беременной. Она пришла посоветоваться по поводу дочерей; очень смущалась, когда Снейп не сдержался и удивлённо спросил: «Неужели восьмая?!». Пролепетала, краснея, что на этот раз надеется на сына. Жаловалась на Августу,

старшую дочь, твёрдо решившую поступать в естественнонаучный колледж. Мол, да как же она экзамены сдаст, там так сложно, может, лучше чего-нибудь попроще… Обрадовалась, когда Северус предложил позаниматься с выпускницей. Потом разговор перешёл на мигрени Абигайль, гастрит Анны и профилактику токсикоза; словом, мило пробеседовали почти до темноты.

Через пару дней Снейп встретил в супермаркете одну из младших мисс Смит и попросил зайти к нему вечером за полезной витаминной микстурой для мамы. «Зелье наследника» готовилось долго, требовало искусства зельевара высокого уровня и оттого стоило дорого, но Северус подумал, что эта семья заслужила такой подарок.

Августа собственного решения боялась до колик. Перед матерью, конечно, хорохорилась, но учителю можно было сказать правду. Пришлось успокаивать: поить зельями, с помощью легилименции корректировать мировосприятие. Ну и, конечно, заниматься, чтобы девочка сама поняла, что всё знает и на любой вопрос ответит.

Восьмого июля вышел следующий том книги Роулинг, «Гарри Поттер и кубок Огня». Купил его Северус числа пятнадцатого – только не хватало толкаться в очереди фанатов! Зная своих вездесущих детей, на всякий случай смотался за новинкой в Манчестер. Прочёл. Много думал.

Дети заходили почти ежедневно, по одному и компаниями. С некоторыми он обсуждал научные исследования, выросшие из их курсовых проектов: в сентябре планировались первые доклады в Манчестерском центре внешкольного образования. Вместе рылись в книгах, журналах и интернете, правдами и неправдами раздобывали статистику, Северус даже сделал пару официальных запросов в государственные органы, вооружившись школьным бланком и утверждённой Манчестерским центром темой исследования.

В августе в Тупик Прядильщиков заселилось двенадцать арабских семей. Новоявленные соседи нанесли визит Снейпу всей гурьбой, засвидетельствовали своё почтение и радостно сообщили, что слышали о Риверсайде от знакомых и с удовольствием отдадут туда детей (каковых Северус насчитал штук сорок). Тишине пришёл конец, но Снейп воспринял это философски: просто ещё одно развлечение. В последнее время дети непостижимым образом перестали его раздражать.

Когда двадцатого августа на холодильнике появилась заранее наколдованная на этот день надпись: «Пляши, завтра тебе на работу!», Северус долго стоял и потрясённо на неё смотрел. Какая работа? Постойте! Он же совсем не отдохнул, даже не выспался!

Лето ведь только началось…

Что-то со временем не то происходит, подумал Снейп и пошёл дочитывать третий том «Молекулярной биологии».

На традиционной конференции в Манчестере, проходившей перед самым учебным годом, коллеги встречали Северуса не то как героя, не то как главного врага. Он сдержанно поздоровался со всеми и дал себя утащить громогласному Фезерти и тихой, кажется, слегка в него влюблённой Тине. Забившись в дальний угол, негромко обсудили ходившие о Риверсайде слухи, Сайрус, более опытный в местных интригах, объяснил расстановку сил и посоветовал пару человек в департаменте образования, на которых можно опереться. Позиции его собственной гимназии были столь прочны, что он мог себе позволить воспринимать Снейпа товарищем, а не конкурентом, и охотно помогал ему удержаться на плаву.

После конференции они плавно переместились к Фезерти домой (у толстяка оказалась такая же нехуденькая жена, любительница печь пироги) и просидели там почти до полуночи. Сайрус порывался оставить гостя ночевать, но тот отказался наотрез; распрощался, зашёл за угол и аппарировал прямо в спальню.

Засыпая, успел ещё подумать: «Если лето было таким насыщенным, значит, спокойного учебного года ожидать не приходится».

На Снейпа налетели, когда он только подходил к школе, затрещали все сразу, затеребили; биолог строго посмотрел на учеников, резко подросших на год, и сказал:

- Я буду у себя, заварю чай и стану готовиться к урокам. Разбирать меня на сувениры не надо.

Первое сентября в Риверсайде мало чем выделялось среди обычных рабочих дней. Так же дурачился Макномара, произнося речь, от двусмысленности которой школьники хихикали; так же ругались родители, передавая отпрыскам забытые на столе пакеты с завтраком; учителя делились негодованием по поводу очередных дурацких нововведений в преподавании и расспрашивали друг друга о подробностях отпуска; галдели дети, придумывая красочные детали обыденных в общем каникул…

В кабинете биологии, куда Северус с трудом пробрался сквозь толпу, было тихо и чуть заметно пахло свежей краской. Снейп открыл окна, поставил чайник и пошёл выбирать нужные для первых уроков таблицы.

Охламонов, конечно, набежало много. Малявки, в особенности девочки, натащили цветов и потребовали рассказать

о них. Деловые мальчишки постарше принесли чай, сахар и горы печенья и конфет. Расселись, как обычно, в классе; ещё не похолодало, и закрывать окна Северус не стал. Болтали обо всём подряд, смеялись. Разошлись, только когда разгневанные родители начали звонить отпрыскам и требовать их домой. Снейп подготовился к урокам: выставил на учительский стол микроскопы, рядом разложил стопочками проверочные карточки, прислонил к доске таблицы. Окинул прощальным взглядом готовый к началу учебного года кабинет, придвинул пару стульев, не поставленных на место растяпами-учениками. Вышел, вставил ключ в замочную скважину…

- Мистер Снейп, можно?

Северус развернулся, готовый к проблемам. Вернон Касл редко называл его даже «сэр». «Профессор Снейп» - и точка. Так сказать, монаршья шутка в знак особого благоволения. Приходилось терпеть, хотя каждый раз холодком отдавало где-то в районе обитания загадочной твари под названием «душа». Помнишь, Северус? Никак не можешь забыть?

Помню, куда ж деваться. Но всеми силами противлюсь воспоминаниям. Прошлое умерло, сгорело с Визжащей хижиной. От него остались лишь шрамы – и странная маггла по имени Джоан Кэтлин Роулинг. Господин учитель биологии даже себе боялся признаться, насколько сильно ждёт выхода следующей книжки. Хотя бы для того, чтобы пофыркать и возмутиться бестактностью Дамблдора, благодаря которому события его жизни превратились в набор нелепостей.

Но сейчас, будто чёртик из табакерки, выскочил «мистер Снейп» - и он пах крупными неприятностями. Нос Северуса был приспособлен чуять подобные запахи за несколько миль.

Ключ исчез в кармане, дверь снова распахнулась.

- Конечно, можно. Что вы хотели, мистер Касл?

Вернон мялся, упрямо глядел на стену, туда, где на побелке кто-то кривым почерком написал: «Джейкоб Бличли – последняя тварь!». Снейп не имел чести знать загадочного Бличли, но надпись существовала, если верить директору, уже лет двенадцать. Заботливые ученики её регулярно подновляли. Ещё одна традиция школы. Северус уважал традиции.

- Может, пройдём в лаборантскую, мистер Касл?

Мальчишка ограничился энергичным кивком. Снейп не стал уточнять, просто развернулся и пошёл отпирать подсобное помещение. Вернон мрачно топал за ним. Ого, а у парня действительно серьёзные проблемы!

Всё оказалось настолько просто, что даже противно. Быть лидером подростковой банды – это не только бравада и

фанфаронство. Это ещё и жёсткая субординация, подчинение взрослым «авторитетам», умение лавировать между своими, не очень своими, своими, но не нам… Короче, Вернона Касла попросили «приглядеть» за распространением наркотиков в школе.

- Я не хочу, - оправдывался парень, пока Снейп деловито сканировал его мозги, - не хочу, но должен. У меня братан двоюродный начал ширяться, и всё – сдох под забором, даже не знаем, где похоронили… От дилерства я отбрыкался. Но помогать им придётся. А я не хочу…

- Мистер Касл, - поток бессвязных извинений начал уже надоедать, - я тоже вырос в этом районе. Я знаю, что такое предложение, от которого нельзя отказаться. И понимаю, почему вы не пошли к директору…

А вот почему ты заявился ко мне, друг ситный? С какой радости решил довериться? Я не полицейский, не супермен… «Не волшебник?» - ехидно шепнул внутренний слизеринец. Да, огрызнулся Снейп, не волшебник. «Ну так скажи ему об этом, - припечатал наглый советчик. – Давай же, Северус! Отправь Вернона Касла решать проблему в одиночку, посоветуй обратиться в участок… Ведь помочь ему может только маг».

Чёрт, чёрт и ещё раз чёрт! Парень и сам не знает, почему рискнул именно с биологом. Ему невдомёк, что сработала проклятая магия имени. И именно от профессора Снейпа юный маггл сейчас ждёт чуда. От кудесника, который вытащит из-за пазухи волшебную палочку, пробормочет непонятное заклятье – и всё образуется.

- Я ещё не знаю, как вам помочь, мистер Касл, - Северус говорил медленно, задумчиво. – Но если решение существует, я его найду. Обещаю.

О большем Вернон, похоже, и не мечтал. Сбивчиво пробормотал благодарности и вышел. Надо полагать, направился искать мисс Смит. Время, проведенное за совместным проектом, явно сблизило этих двоих. По крайней мере, Северус слыхал, что Аннабель пригласила Вернона на день рождения. Ох, Лили… Я помню, как реагировали твои родители на нескладёху-Снейпа. Надеюсь, мистеру Каслу повезло больше.

Но вернёмся к проблеме. Наркотики в родной школе Северус видеть не желал. Кстати, а когда школа успела стать родной? Неважно. Кто предупреждён – тот вооружён. Волшебной палочкой и извечным сарказмом. Для магглов хватит с избытком.

Особо сложных заклятий ставить не будем, а то возникнут проблемы с тупым Министерством. Вот уж точно – маразмагия, как она есть! И скорее всего, таковой и останется. Учитывая

любовь чинуш к Поттеру, а Поттера – к наипростейшим решениям, перемен к лучшему ожидать глупо.

Тёмную магию тоже не станем использовать. Зачем дразнить ворон? Может, прохлопают клювом, а может, и нет. После войны, если исходить из банальной логики, должны бы подобные заклятья отслеживать. Он, Снейп, по крайней мере обращал бы на них внимание. Параноика-Муди, конечно, нет в живых, а министерские сроду не дружили с разумом. Но рисковать зря Северус всё равно не собирался.

Итак, что остаётся? Простейший трансфигурационный контур, завязанный на биохимический состав. Чего ждать – порошок, таблетки, растворы? Всё превращаем в полезные для здоровья вещества. К примеру, аскорбиновая кислота. Очень нужная вещь, особенно сейчас, когда бабье лето на подходе, но скоро разверзнутся хляби небесные. Если внутривенный раствор – в глюкозу его, организмам здешних жителей не помешает дополнительное питание. Обратную трансфигурацию запретить, действие заклятья сделать постоянным. На всякий случай сварить зелье, отвращающее от некоторых химических соединений. Из чего сварить, Северус? Из томатного сока и здешней водопроводной воды? Ай, да ладно, Северус, уж будто ты не придумаешь! Кто здесь, в конце концов, гений?

Я гений, я. Но даже гений не сумеет сотворить нечто из абсолютного ничего.

Снейп обошёл школу по периметру, наметил контуры заклятья. Осталось почитать медицинские справочники и сформулировать задачу более чётко. Cannabis indica курили и в его детстве, даже иногда использовали Cannabis sativa, но магглы непрерывно прогрессируют, в том числе в деле изготовления наркотиков. А значит, литература и пресловутый Интернет наверняка преподнесут парочку сюрпризов.

О дальнейшем развитии событий Снейп регулярно узнавал от сдержанно хихикающего поначалу, а затем откровенно ржущего Вернона.

Мистер Касл, как ему и полагалось, организовал точки сбыта, поставил там охрану из своих ребят – и в первый же день те отбивали горе-наркоторговца от разъярённых покупателей. Северус взял на заметку, кто из учеников пристрастился к «дури». Пришлось, конечно, изучить терминологию*, выяснить, что «золото из Акапулько» - это марихуана с юго-запада Мексики, а милейшее имя Элис обозначает ЛСД. Впрочем, идиотские маггловские «амёбы», «бэби-Т» и «ведьмы» запомнить было не сложнее, чем специфический жаргон УпСов. «Каждому маргинальному сообществу – свой язык», – мрачно подумал

Снейп и пошёл разбираться с наркоманами. Небольшой Confundus, приглашение на чашку чая… Естественно, так просто болезнь сдаваться не собиралась, однако Северус – тоже. Переупрямить какую-то паршивую наркоманию… кто здесь гений, я вас спрашиваю?

Да уж точно не поставщики крэка.

Они, кстати, всё ещё пытались настаивать на своём. Посылали разных людей. Попробовали заставить продавать наркотики Вернона – но тут уж потерпели полное фиаско. Касл соглашался обеспечивать защиту, соглашался проследить за «фараонами», дабы случайно не увидали работающих дилеров… Но самому возиться с этой дрянью – увольте. «И вообще, вы б глядели, чего в школу тащите. Сами народ кидаете, а мне отвечать? Ага, разогнался!». Даже рискнули заснять процесс на потайную видеокамеру. Северус не удержался, и на плёнке запечатлелись совокупляющиеся тарантулы. В мельчайших подробностях.

Руководители преступных группировок – люди насквозь деловые. Это вам не психованный Тёмный Лорд. И если в некоем месте убытки от торговли превышают прибыль, а принимаемые меры не срабатывают – значит, из такого места лучше убраться. На время. Или навсегда – уж как получится.

В начале зимы Вернон, облегчённо вздохнув, поблагодарил Снейпа. Брови Северуса поползли вверх: «За что, мистер Касл?». Парень ухмыльнулся: «Да так, за… чистоту во дворе». – «Это не ко мне, мистер Касл. За чистотой следят уборщики» – «Конечно, профессор Снейп, конечно!».

Разоблачения Северус не боялся. Вернон прекрасно понимал: ему не поверят. Парню и самому произошедшее уже начало казаться байкой, из тех, которые рассказывает малышня, впервые налакавшаяся пива.

Глюки.

А если нет… тем более, не Вернона Касла, дело. Он получил, что хотел, а в подробности лучше не вдаваться.

Иначе профессор Снейп снимет баллы. Или голову. Кто его знает, профессора?

С приходом в школу детей двенадцати восточных семейств нарушилось хрупкое равновесие между этнобандами. Чернокожие отчаянно пытались сохранить главенство, арабы активно протестовали, латиносы подзуживали, надеясь ослабить тех и других. Представители национального пока ещё большинства разделились на лупивших любое меньшинство, невзирая на цвет кожи, и на тех, кто старался в заварушки не лезть. На каждой

перемене завязывались драки, преподаватели не успевали разводить. Вскоре многие стали брать пример со Снейпа, который никого не растаскивал и не читал нотаций, а просто взял манеру пролетать через самый эпицентр очередного побоища. Дерущиеся расступались – а куда деваться? Обычно после заминки агрессия шла на убыль.

Впрочем, Северуса больше беспокоило, что арабы, в первую очередь новенькие, хамили ему на уроках. Их, разумеется, следовало приструнить, но биолог по доброте душевной сначала обратился к Мехмету Кадури, признанному лидеру школьников-мусульман. Поймал в коридоре, посмотрел строго в чёрные очи и поставил ультиматум: наведи порядок, или я сам приму жёсткие меры. Мехмет рассыпался в цветистых извинениях, уверил учителя, что тому вовсе нет нужды заниматься подобной ерундой, и поклялся Аллахом всемилостивым и всемогущим объяснить глупым малолеткам, в чём смысл жизни. «Придут завтра, мистер Снейп, извинятся, ишаки безродные!»

Слово Мехмет сдержал, и более арабы на уроках биологии проблем не создавали.

Зато Кадури явились к Северусу в гости. Не все, разумеется; подобную толпу его дом попросту не вместил бы. Мехмет пришёл с отцом. Достаточно, чтобы визит мог называться семейным.

Северус принял Икрама Кадури со всем уважением, которое только мог выказать. У взрослых арабов этот человек имел такой же авторитет, как его старший сын – среди их детей; старейшины шутили – мол, сам Аллах подсказывал имена мужчинам Кадури**. Устроил в мягком кресле, принёс пирожных и зефира, предложил кофе, сначала отпив из своей чашки, согласно обычаю. До окончания застолья ничего существенного не обсуждали: Снейп будто вживую видел Люца, бегающего по Малфой-мэнору и ругающегося не хуже пьяного Муди. Драко икал, Нарцисса всерьёз выбирала между успокоительным зельем и Crucio, а белобрысый бизнесмен вещал, не останавливаясь. Дескать, с арабскими партнёрами нужно так, и эдак, и вот так, а иначе не нужно, и кто только заставил его связаться с этими магг… странными волшебниками с их чудными нравами! Сделка, помнится, состоялась, но от слов «Саудовская Аравия» Малфоев ещё долго перекашивало.

Гость хвалил дом Снейпа, Северус сдержанно-добродушно рассказывал об успехах младшего Кадури, Джалиля, которому весной исполнилось одиннадцать.

Когда со стола было убрано, заговорили о деле.

Икрам обстоятельно рассказал, как хорошо приняли Мехмета «эти гяуры из Манчестера», хотя он пока говорит (а уж тем более

пишет!) по-английски с ошибками. В центре внешкольного образования заинтересовались исследованием, получившимся из курсового проекта Кадури. Парень изучал влияние на местную экосистему завезённых арабами растений, в первую очередь пряных трав. Снейп не просто так отрядил в центр именно Мехмета: тема «растений-переселенцев» сейчас муссировалась в научных журналах и вообще считалась животрепещущей. Кадури читал мало теории, но его наблюдения и эксперименты имели огромную практическую ценность; естественно, мальчишку заметили и теперь настойчиво звали в колледж. «Седой носатый гяур» обещал «включить Мехмет какой-то квота» и учить бесплатно, надо было только за экзамены заплатить. Ну и, разумеется, сдать их, экзамены эти. Потому Икрам и пришёл: бить челом Снейпу, чтобы позанимался с сыном. Времени хватало, но ведь знания не врастают в голову за три дня. Заниматься Северус согласился; когда понял, что от «благодарности» не отвертеться, затребовал ещё пиал, не забыв хорошенько похвалить мастеров, делавших ему рождественский подарок.

До конца недели Снейп пережил ещё восемь визитов горбоносых отцов семейств. Почтенные мужи выясняли, что мешает их отпрыскам так же хорошо учиться, как сыну достославного Икрама, да продлит Аллах его дни, и не поможет ли в воспитании прилежания крепкий ремень или старая добрая плеть. Слово «колледж» для любого из жителей Заречья звучало волшебно, и ради претворения этой сказки в жизнь местные арабы соглашались советоваться даже с гяуром. Тем более что гяур был не обычным хонки, а носил высокое звание учителя.

Вскоре «мусульманские» классы стали успевать намного лучше, причём не только по биологии, в результате чего Риверсайд получил грант от местного правозащитного общества – за эффективную адаптацию иммигрантов и недопущение дискриминации нацменьшинств в учебном процессе (деньги ушли на долгожданные наборы реактивов для мисс Саракис и глобус для мистера Френсиса, географа). Латиносы во всеуслышание заявили, что так этого не оставят, и прилюдно поклялись ежегодный тест сдать лучше арабов. Негры и белые пока посмеивались, но тоже призадумались.

На педсовете перед рождественскими каникулами Макномара пообещал заложить гранты в бюджет школы как ожидаемую прибыль. И смешно рассказал о том, как к нему приходил ругаться директор Риблсдейла, вперемешку угрожал и сулил денег «за хорошее поведение».

Снейпу по результатам семестра выдали премию. Возражать

он не стал.

Магический мир вспоминался всё реже. Кажется, жизнь наконец наладилась.

* - в тексте использован англоязычный нарко-сленг. Естественно, он может не совпадать с русскоязычным.

** - Икрам переводится как «почёт, уважение». Мехмет (Махмуд), кстати – это не сокращение от «Мухаммад», как многие думают, а вполне себе самостоятельное имя, означает «хвалимый».

Глава 6.

Северус отпаивал успокоительным чаем мисс Саракис. Третий день подряд. Она прибегала к нему после уроков, захлопывала дверь лаборантской и наконец разрешала себе разреветься. Он подливал чаю и слушал сбивчивые жалобы – на учеников, на проверки, на не замеченные вовремя опечатки в учебниках… Химия – непростая наука, и преподавать её тоже нелегко. Снейп кивал, поддакивал, расспрашивал подробности. Потом осторожно давал советы.

Нравилась ему эта девчонка. Совсем молоденькая, в общем-то не подходящая для работы с «трудными детьми», но очень упрямая, мисс Саракис отчасти напоминала Северусу его самого. Того, двадцатилетнего, самого юного декана Хогвартса. Он совершал ошибки, шёл наощупь, но Слизерин принял нового руководителя и семнадцать лет подчинялся беспрекословно. Такое дорогого стоило, змеиный факультет славился гордыней и часто отвергал деканов.

Мисс Саракис местные бандиты признавать не желали. Снейпа это не устраивало, в конце концов, от успехов химички на педагогическом поприще зависели результаты итогового теста по естествознанию. В прошлом году было не до жиру, хоть как-то бы сдать, а теперь планка повысилась. Пришлось брать девчонку под крылышко и, так сказать, делиться опытом. Тем более что Макномара озверел и требовал от любимого педколлектива достижений. Мол, если мистер Снейп может, то и вы сможете, постарайтесь только. Любимый педколлектив старался. Нет, конечно, дорогие коллеги на выскочку злились, и даже пытались плести какие-то интриги против него. Биолог не обращал внимания, только посмеивался. Проверок он не боялся, директор к нему благоволил, так что неприятности могли возникнуть исключительно у самих интриганов. С тех пор как парочку особо буйных Макномара уволил, а на их место моментально пришли

новые – школа стала известна в хорошем смысле – серьёзных вредительских акций против Снейпа никто не проводил, а качество образования улучшилось. На сей раз не только Северус вёз свой снейпятник на соревнования, ещё пятеро преподавателей тоже затребовали школьный автобус для поездки в Манчестер. Призовых мест привезли немного: два по математике, одно по физике и два по истории, да Снейп дюжину отхватил всем на зависть, и к тому же имел наглость утверждать, что это было несложно. Макномара добросовестно провёл исследование и успокоился: на их несчастный округ приходилось восемь школ, славных математиками. А вот историк с физиком ходили мрачные и тратили свободное время на книги по методике преподавания. Слыханное ли дело: учителя государственной школы сокрушаются, дескать, какой ужас, дети из гимназии получили на соревнованиях больше баллов! Смеялись до истерик. И гордились.

Гордость – первый шаг к успеху, говаривал, помнится, Абраксас Малфой. Важно только не остановиться на этом первом шаге.

Внушить зареченской шпане уважение к «фифочке с шёлковым бельём» - дело почти безнадёжное, но Северус не зря считал себя мастером по выполнению сложных заданий.

Сначала шептались о том, что у биолога с химичкой роман. Потом – что она бегает к нему жаловаться. Когда на вопрос «Какого рожна она делает в его лаборантской?» стали отвечать: «Так они ж оба естествознание преподают!», Снейп счёл первый этап работы завершённым: химичку признали человеком, а не юбкой с указкой. Дальше пошло оттачивание педмастерства, процесс длительный и аккуратный. Рыдать, по крайней мере, мисс Саракис прекратила.

Для Северуса инициатива закончилась печально. Макномара с энтузиазмом, достойным Дамблдора, свалил на него обучение уму-разуму всех молодых педагогов школы. Снейп плевался ядом, но директор был неумолим: умеешь – значит, работай.

Время неслось куда-то вприпрыжку и, как иногда казалось Северусу, повизгивало, словно счастливый щенок.

Джоан Кэтлин Роулинг задерживала выход пятой книги, и Заречье дружно данным обстоятельством возмущалось. Тайрон Легг вообще заявил: «Не, эта блондинка не пацан – слова не держит!» Аннабель Смит вознегодовала и сообщила чернокожему нахалу, что он – мужская шовинистическая сами-знаете-кто, а Вернон задумчиво хмыкнул: «Пацаном, братишка, её и вправду не назовёшь. Какая Роулинг блондинка, не скажу, а баба, кажись,

натуральная». Скандал относительно неумения фемин исполнять обещания замяли, но писательницу ученики Риверсайда не простили.

Северус только хмыкал, выслушивая истерики и занудные вопросы: «Когда же, когда?», перемежающиеся биением головой об стену. Облил холодом нескольких одиннадцатилеток, пытавшихся выведать продолжение у него: «Мы понимаем, вы не тот Снейп, но вдруг?..»

Разрядил ситуацию выход на экраны фильма.

«Гарри Поттер и философский камень» произвёл на Северуса странное впечатление. В школе спорили, как должен располагаться у Мальчика-Который-Выжил шрам, и «… чего это он такой аккуратненький? Волдеморт не шедевр рисовал волшебной палочкой, а тупо лупил, куда придётся!» Соледад Ромеро приставала ко всем с идиотским вопросом: «Вот если б ты авадил – залепил бы заклятьем сбоку или точно в лоб?» Мехмет смеялся: «Ай, отстань, женщина! Куда достал – туда попал! Поттер дурак, да? Головой не вертит, да?» «Не вертит! – горячилась Соледад. – Ему годик, он ещё ничего не понимает!» «Ай, какой мальчик спокойный! – ржал Мехмет. – Головой не вертит, сидит тихо, ждёт, когда шрам поставят. Мне б таким быть, мама бы радовалась!»

Заречье болтало, бурлило, спорило, возмущалось… В конце концов, Снейп плюнул и сам пошёл смотреть фильм. Нет, не специально, что вы! Но вот в Манчестер нужно за учебниками поехать, и – надо же, незадача! – в книжном магазине перерыв на обед. Так и быть, сходим в кино, благо недалеко… «Гарри Поттера» крутят, говорите? Ладно, дайте билетик.

Однако, странно же магглы представляют себе Хогвартс! Почему стены облупленные? Филч, живи он в подобном убожестве, непрестанно жаловался бы Дамблдору и гонял провинившихся студентов до тех пор, пока всё вокруг не заблистает. Простое заклятье, по силам даже шестикурсникам…

Дамблдор, кстати, Снейпу не понравился. Обычный старик, каких много. Северус пытался убедить себя, что это из-за нелюбви к исходнику, но выходило плохо. Актёру не хватало харизмы Альбуса, его сладенькой улыбки и голубых глаз, которые могли выблеснуть нешуточной сталью. А ещё – бантиков и колокольчиков на бороде. Директор Хогвартса не боялся показаться смешным. Он вообще ничего не боялся, старый паршивый гриффиндорец, вспомнишь – зубы привычно ноют. Мало к кому ещё приходилось испытывать такую, щедро разбавленную злобой и желчью, приправленную непониманием приязнь.

Гарри показался Снейпу чересчур смазливым, а Драко, наоборот, недостаточно симпатичным, хотя в целом хорош – играет правильно. С подбором детей на роль Рональда Уизли и мисс Грейнджер Северус согласился. Разумеется, сходство не портретное, но характеры переданы верно. Да и откуда магглам знать, как выглядели эти Мерлиновой статуей ушибленные гриффиндорцы? Лонгботтом позабавил. Тревор насмешил – похоже, Альбус далеко не всё рассказывает мадам Роулинг, а та, в свою очередь, кинодельцам. Фамилиары выглядят совсем иначе.

Впрочем, о замалчивании дорогим директором некоторых подробностей ты и так знаешь, верно, Северус? Ещё после первого знакомства с книгой про Золотого Мальчика.

Странное дело: себя директором Хогвартса Снейп как-то не ощущал. Занимал кресло, отдавал распоряжения. Слушался Альбуса. Был марионеткой, которая пытается спасти хоть что-нибудь. Хоть кого-нибудь.

Разве настоящие руководители такие?

Небось, даже портрет в кабинете не повесили…

Пфе, Северус! Неужто тебе нужны почести от гриффиндорской братии? Да пусть свернут их в трубочку и засунут под статую Годрика! Ты-то знаешь, что всё сделал верно. Насколько мог.

Алана Рикмана Снейп снисходительно принял. Пусть будет. Должен же кто-нибудь и эту роль сыграть. Хагрид понравился, Макгонагалл тоже. Сюжет… в целом, соблюдён. Что ещё нужно счастливым поттероманам?

В ближайшие пару дней Северус точно выяснил, чего именно хотят фанаты эпопеи Роулинг.

Они хотели Снейпа.

Даже мисс Саракис, хихикая в кулачок, сравнивала «киношного» и «нашего» профессора. Утешало лишь, что сравнение неизменно завершалось не в пользу Рикмана. «Наш лучше по всем статьям!» - уверенно признавала химичка, а Северус злился и проклинал злосчастный день, когда ему взбрело в голову овладеть легилименцией.

Жил бы сейчас спокойно…

Мисс Бриггс на переменах разглагольствовала про образ злого учителя в британской литературе, испуганно замолкая, когда биолог заходил за журналом. Латиносы, не стесняясь, объясняли новеньким: «Это наш Снейп, амиго, и Рикман у него сосёт!» Северус однажды не выдержал и попросил указать адрес, по которому известный актёр совершает с ним развратные действия. Пепе Медина расхохотался: «Профессор, да зачем вам? Он старый уже! И некрасивый». Многое хотелось ответить, но

вступать в перепалку с учениками на подобные темы Северус счёл ниже собственного достоинства. Ограничился фырканьем и величественно удалился. Кажется, авторитет учителя биологии от этого лишь возрос.

Второй фильм принёс дикую тоску по Люциусу.

Откуда, ну откуда маггловский актёришка выкопал манеру Малфоя ходить, разговаривать, надменно выгибать бровь? Где узнал, что трость с навершием в виде змеиной головы всегда при франтоватом аристократе? И длинные волосы – про них-то он как выяснил?

Предположение о непосредственном участии Люциуса в создании образа для Джейсона Айзекса Снейп сходу отмёл. Он слишком хорошо знал друга. Не дай Мерлин, тому станет известно, что Малфои – как и прочие герои поттерианы – «собственность компании Уорнер Бразерс»! Магглов-то не очень жалко, но разбушевавшегося Люца мигом загребут в аврорат, а оттуда препроводят в Азкабан. Небось, давно мечтают.

Если, конечно, уже не добрались до вычурно-красивого блондина.

Думать о Люциусе в Азкабане Снейп не хотел; он решительно помотал головой, отгоняя неприятную мысль, и полез в ящик стола – взглянуть на змейку Драко. Змейка весело поблёскивала изумрудными глазами, напоминая о белобрысом шкоднике; по крайней мере у одного Малфоя всё было в порядке. Северус положил фигурку на место и забыл о ней ещё на несколько месяцев.

Прискорбно, но количество бумажек, которые требовалось заполнять, возрастало с каждым днём. Снейп снова варил зелье ясного ума, потому что разбираться в зубодробительном бюрократизме без вспомогательных средств у него пока не выходило. Один Манчестерский центр внешкольного образования чего стоил! Присылал трёхстраничные письма с казёнными похвалами, похожими на изысканные оскорбления, Люциус умел такие сочинять. То ли в самом деле хвалят, то ли завидуют, вероятности равновелики. На всяческие соревнования его уже зазывали – тоже бумажки, на которые надо отвечать. Всю жизнь ненавидел светскую переписку.

Кроме деловых время отнимали и личные послания. Выпускники рассказывали курьёзные случаи о пользе биологии в повседневной жизни строителя, студенты естественно-научного колледжа, неожиданно пережившего атаку зареченских подростков, спрашивали совета. В конце почти каждого письма непременно отмечалось, что его автор смотрел фильмы про Гарри

Поттера и всё равно не представляет в роли Снейпа никого кроме Снейпа.

Биолога из Литл-Бери уже знали и в Лондоне, посмеивались над фамилией и слали заманчивые предложения трудоустройства. Северус упрямился. Ему нравился Риверсайд, нравился Макномара, наконец, нравилось родное Заречье. Каждое лето в городке запускали слух, будто Снейп согласился работать в каком-то жутко дорогом колледже на сумасшедшую зарплату; немедленно в Тупик Прядильщиков начиналось паломничество зарёванной мелкоты, которая не успокаивалась, пока не вырывала у учителя страшную клятву, что никуда он от них не денется.

Снова заходил Имран Кадури с сияющим сыном, ныне студентом Манчестерского естественно-научного колледжа. Благодарил, хвастался, как хорошо его сын отвечал на экзаменах – «вай, десять гяуров сбежалось послушать!». Мехмет смущённо улыбался.

Миссис Смит стала частой гостьей, правда, всегда брала с собой сына: муж работал, девочки учились, и маленького Стивена оставить было не с кем.

Дети приходили почти ежедневно. Кажется, для удобства общения они установили график. Северус не интересовался. Причём трудолюбивые зареченские не только чаи гоняли, но ещё и помогали. Под чутким руководством Снейпа землю вокруг дома засадили лекарственными растениями. Со стороны казалось, будто во дворе разбит изысканный цветник: ребятишки не признавали грядок, им подавай узорчатые клумбы. О ландшафтном дизайне юные балбесы понятия не имели, зато фантазией обладали буйной. Камейные профили, волнующееся море с одиноким парусом, два футболиста и мяч… В полузаброшенном Тупике Прядильщиков это великолепие смотрелось дико.

Гербу Слизерина Северус решительно воспротивился. Зареченские расстроились: они уже подобрали зелень изумительного изумрудного оттенка. Пришлось срочно докупать жёлтенькие цветочки для лепрекона, танцующего на лесной полянке.

Поэкспериментировав у любимого профессора, детишки взялись за собственные дворы. Там, к сожалению, никто им рисовать гербы не запрещал. В результате хозяйственные главы семейств, посмотрев на художества отпрысков, открыли фирму по озеленению. Заброшенный парк Литл-Бери стал достопримечательностью округи и по совместительству – отличной рекламой. Из-за реки посыпались заказы.

Вернон Касл уже открыто гулял с Аннабель, звал на свадьбу,

как только невеста закончит колледж. Сам он работал охранником в ювелирном магазине, копил на собственное дело. По вечерам заходил к Северусу – делился грандиозными планами возрождения Литл-Бери. Горячился, размахивал руками: «Зачем уезжать к чёрту на рога, если и здесь можно отхватить приличный кусок? У нас хватает места для кучи производства. Зарплаты, говорят, большие платить придётся, ишь, чего удумали! Да те же арабы за пару фунтов сделают и благодарить будут, у нас же и цены не столичные!». Северус кивал, поддакивал, замечал, что цены здесь даже не манчестерские… Про себя думал: когда Вернон выставит свою кандидатуру на пост мэра – надо сходить, проголосовать. И коллег подбить. Хотя они сами догадаются, не маленькие.

Лето сменялось осенью, осень – зимой, и Хогвартс снился Снейпу всё реже.

С днём рождения вышел конфуз. Милые детки, чтоб им пусто было, явно нелегальным путём достали личное дело Северуса и вычитали там про десятое марта. Шутки шутками, но поздравляли регулярно и практически так же массово, как на Рождество. Вечером, распаковывая подарки, Снейп невесело усмехался и бормотал: «Ну, Ремус, с днём рождения?». Впрочем, года через два праздновать весной стало привычнее, чем зимой, и всё реже девятого января вспоминалось, что сегодня вообще-то дата. Обычный день: в гостиной набился «снейпятник», жарко обсуждает вопросы прошлого соревнования, гадает, какие сюрпризы преподнесёт следующее. Восходящая звезда биологических конкурсов, одиннадцатилетний Адальберто Ривера, пытается изобразить диплодока; учитывая субтильное сложение пацана, выходит забавно. Если бы он это ещё не на столе делал… Ну вот, чуть пиалу не сшиб! Джалиль Кадури делает страшные глаза и с непередаваемым арабским акцентом обещает вот прямо сейчас снять corium* и отшлёпать по gluteus maximus**. «Три дня сидеть не сможешь, «Популярной зоологией» клянусь!». Народ косится на увесистую книженцию и соглашается: да, особенно если после corium ещё и здоровенной томиной по голове зарядить. Эштон Сакспур берёт пиалу, задумчиво глядит на неё и предлагает использовать в качестве чашки Петри. Отовсюду слышатся негодующие возгласы: «Сбрендил, да? Она ж непрозрачная!», «Уж лучше от пластиковой бутылки верх отрезать!», «Я твой дурной голова вместо чашки Петри приспособлю, а ну поставь пиала на место, ты, гибрид ишака с безмозглый табуретка! Пиала мастер делал, тебя кто делал – не знаю!» Бейзил Дэниэлсон видит, как умница Эштон переживает

свежеотмороженную глупость, и быстренько переводит разговор на микрофлору кишечника.

Диван оккупировали девочки, жарко обсуждают, нужны ли изменения в форме. С прошлого года «снейпятник» выезжал на соревнования в чёрных мантиях с зелёными галстуками; Северус подозревал, что присутствует при рождении новой традиции. В груди уже почти не щемило.

Взгляд случайно зацепился за жирное «43» в сегодняшней газете. «А ведь мне сегодня сорок три», - шепнул голосок внутри, и стало чуть грустно. Захотелось тишины, посидеть в кресле с бокалом красненького… Снейп посмотрел на часы, выпроводил детей (те особо не сопротивлялись: родители и так ворчали, мол, заездили вы учителя совсем), помыл чашки, нащупал в баре бутылку. Он давно не пополнял свои запасы, сделанные году в девяносто шестом: красное вино стимулирует кроветворение и оттого в списке необходимых вещей стояло номером пятым, после основных зелий. После девяносто восьмого в баре осталось бутылок пять, но пил Снейп с тех пор мало, а значит, должно было хватить ещё на пару лет.

Благословенна тишина, ведь её так мало достаётся педагогам! «Мог бы и не приглашать детей домой», - съехидничал внутренний хаффлпаффец. И когда успел научиться гадости выдавать, а главное, от кого? «А чья я, простите, грань личности?» - возмутился мерзавец. Северус проигнорировал, убрал с кресла забытый Бэйзилом серый шарф, откупорил бутылку. Повёл носом, смакуя аромат…

Шандарах! Бубух! Бац!

Камин в доме не чистился серьёзно уже много лет. Зачем? Теперь же всё его содержимое высыпалось на ковёр чёрной неопрятной кучей.

Посреди кучи с несчастнейшим выражением лица восседал…

Сердце пропустило удар.

Люциус?

Да нет же! Короткая стрижка, чёрный, наглухо застёгнутый маггловский деловой костюм с высоким воротником-стойкой. Люциус предпочитал совсем другой стиль.

Но как же похож, мерзавец маленький! С годами фамильные черты Малфоев проявились во всей красе.

Драко обиженно хрюкнул, покачнулся, испачкав пальцы в жирном пепле. Пятна на левой щеке напоминали карту Британии – вон и Ирландия слева, поменьше… Что за глупости лезут в голову?

- С… днмржднья, профф…ср снапп!

Так. Негодяй пьян до полной потери самоконтроля.

- Вот я. Пршёл, ага. Празд… ик! Праздвать и пааздрлять! А вы злой. Вы того… умрли. Не-ха-ра-шо! А я всёрно пршёл.

Стереть ему память? Северус внезапно разозлился. Хорошо же, дорогое прошлое. Ты разыскало меня. Набралось в зюзю, вывалилось из камина, запачкало ковёр,– и теперь ожидаешь, что я буду к тебе милосерден? Или того лучше – что трусливо сбегу из собственного дома?

- Вижу, мистер Малфой. Только не пришли, а приползли на карачках. Стыдитесь! И это выпускник Слизерина, какой позор…

- О! – Драко удалось занять относительно устойчивое положение на пятой точке. – Здрасьте, прфесор! Я знаю, вы на самм деле… ик… delirium tremens, ага!

Латинское название белой горячки крестнику удалось произнести верно. Снейп безжалостно отогнал дурацкий приступ гордости за воспитанника. Какая к Мерлину гордость, Северус, ты взгляни на него!

Прошлое тоже смотрело на скромного учителя биологии. Парой чудесных серых глаз. В упор.

- Вы тольк не ухдите, ладно? Ну хтите, я это… напив… ик! На-пи-ваться буду кажд вечер? С вами. Ваш здровье, прфесор!

- Придурок, - вздохнул Снейп. Всё повторялось: его находят и требуют заботы.

Ну и ладно.

Северус подошёл к Драко, заклинанием очистил мальчишку и ковёр. Протрезвлять не стал: пускай ребёнок выспится. Кроме того, похмелье для слизеринца – великолепное лекарство от зарождающегося алкоголизма.

- Vingardium leviosa! >

Драко затрепыхался, пытаясь ещё что-то сказать. Северус не слушал, левитируя крестника на диван. Горе моё, мало было Поттера, теперь ещё этот…

Получасом позже Малфой похрапывал, а профессор Снейп размышлял о завтрашнем разговоре. Затем пошёл спать.

Всю ночь снился Хогвартс.

* кожаный ремень

** вот то, по чём шлёпают. Задница.

Конец

“Сказки, рассказанные перед сном профессором Зельеварения Северусом Снейпом”